

- ⁴ Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. – СПб., 1901. – С. 265.
- ⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 1. Д. 263. Л. 275–400.
- ⁶ Русский вестник. – 1891. – № 10. – С. 300.
- ⁷ Пругавин А. О мистицизме в русском народе и обществе // Северный вестник. – 1886. – № 3. – С. 213.
- ⁸ Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии // Русская мысль. – 1884. – Кн. 1–2. – С. 14.
- ⁹ Там же. – С. 21.
- ¹⁰ Там же. – С. 11.
- ¹¹ 100 поселков // Краткий очерк колонизации Седельниковской волости Тарского округа. – М., 1895. – С. 73.
- ¹² Чарушин А.А. Крестьянские переселения в бытовом их освещении. – Архангельск, 1911. – С. 6.
- ¹³ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. – М., 1996. – С. 242.
- ¹⁴ Никонов С.П. Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. – Харьков, 1906. – С. 301.
- ¹⁵ Трайнин А.А. Преступность города и деревни в России // Русская мысль. – 1909. – № 7. – С. 11–13.
- ¹⁶ Сборник сочинений по судебной медицине – С. 242.
- ¹⁷ Галковский Д. Бесконечный тупик. – М., 1997. – С. 410.
- ¹⁸ Кондрашин В. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М., 1996. – С. 115.
- ¹⁹ Прокопович С.Н. Аграрный вопрос в цифрах. – СПб., 1907. – С. 10.
- ²⁰ Григорьев В.Н. Указ. соч. – С. 26.
- ²¹ Даль В.И. Указ. соч. Т. 2. – С. 180.

А.А. Жиров
Тарский филиал
Омского государственного
аграрного университета

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ВОПРОСЫ МЕНТАЛИТЕТА В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КУПЕЧЕСТВА СИБИРИ

В современной отечественной исторической науке только вырабатывается методика исследования проблем, рассмотрение которых предлагается в данной статье. Тем не менее эти проблемы достаточно широко обсуждаются, в том числе на региональном уровне, в Сибири¹. Мы указываем многочисленные работы сибирских

Мы указываем многочисленные работы сибирских историков, посвященные благотворительности, так как главное внимание в статье будет сосредоточено на характеристике потребностей и интересов, социальных и ценностных ориентаций, а также на характеристике референтных групп сибирского купечества.

В обобщенное понимание социально-психологического облика социальной группы обычно включаются такие признаки, как система материальных и духовных потребностей и интересов, совокупность социальных и ценностных ориентаций, отношения и нормы, которыми руководствуются люди в своем повседневном поведении.

Менталитет является высшим, по сравнению с социальной психологией, уровнем характеристики личности, социальной группы или общества в целом. Выявление специфики менталитета социальной группы требует раскрытия содержания умонастроений, совокупности взглядов на окружающий мир, интеллектуального и духовного уровня представителей этой группы, а также доминирующих качеств во всей изучаемой группе. Их изучение может производиться в отношении как больших, так и малых общностей людей, в частности купеческого сословия и его отдельных групп. Но необходимо учитывать, что социальная психология и менталитет находятся в неразрывной связи друг с другом.

Для раскрытия социальной психологии необходимы знания о различных сторонах жизни и деятельности конкретных людей, принадлежавших к сословной группе, обозначенной нами как провинциальное купечество Сибири. Многие стороны жизни купеческого сословия являются общими, но мы обнаруживаем немногочисленность семей уездного купечества с крупным капиталом, сложные переплетения деловых и родственных связей, другие особенности регионального характера, которые определялись специфическими условиями социально-экономического развития.

Общая социально-психологическая характеристика провинциального купечества осложняется неравномерностью развития регионов Сибири и связанным с ним разнообразием уровней развития купеческого менталитета. В сложной иерархии торгового мира каждое звено, в том числе и провинциальное купечество, обладало своей спецификой. Необходимо также учитывать особенности модернизационных процессов, ускоренную рыночную эволюцию, предопределившую незавершенность социальной консолидации буржуазии к 1917 г.

Общим, распространенным является мнение, что основная потребность, присущая купечеству, – потребность обогащения. Это мнение имеет настолько прочные основания, что всякие возражения должны иметь стройную логическую основу и подкрепляться система-

тическим фактическим материалом. Отсутствие основательного научного задела в этом вопросе не дает нам сегодня возможности привести бесспорные контраргументы. Тем не менее один из таких контраргументов может быть сформулирован так: главной потребностью купечества было не обогащение, а потребность дела, которое открывало бы возможность создания достойных человека условий существования себе и своим близким. Ради этого будущие купцы стойко переносили физические и моральные испытания, годами служили приказчиками, собирали необходимый для собственного дела капитал.

Учитывая, что многие купцы вышли из самых низов общества, знали нужду и лишения, мы полагаем, что доминирующим в среде провинциального купечества было стремление иметь такой доход, который позволял бы попасть (если использовать современные понятия) в средний слой общества.

Если рассматривать богатство как обилие материальных ценностей, денег, а не как стремление к достатку, то в связи с этим возникает много вопросов. Например, почему купцы "сорили" деньгами, а порой все свое состояние направляли на благотворительность, почему в среде купечества были люди, для которых деньги были не целью, а только средством реализации их основных потребностей. Они стремились расширять свои дела, наращивать торговые обороты. Они интуитивно чувствовали, что в условиях рыночных отношений только деньги могут расширить пространство свободы человека, ибо экономически зависимый человек не может ощущать себя полностью свободным. Поэтому, говоря о приоритетных потребностях купечества и называя обогащение главным из них, мы, видимо, должны иметь в виду, что речь идет не о потребности, которую нужно считать постыдной, а об одной из основополагающих ценностей, к которой интуитивно стремится любой человек – потребности быть экономически независимым.

Эту потребность (или желание не быть бедным) мы только учимся не осуждать. В среде российской интеллигенции всегда было устойчивым негативное отношение к стремлению человека быть обеспеченным. Н.М. Ядринцев считал, что "деньги и нажива деморализовали сибиряка прежде, чем он получил развитие и составил себе понятия о других целях"².

Желание обеспечить себя и своих близких материально на ранних стадиях обычно являлось доминирующим мотивом. Постепенно ему на смену приходили качественно иные мотивы: стремление к наращиванию прибыли для подъема своего престижа и престижа своей компании; желание обеспечить достойное существование своим детям и внукам; накопления для осуществления новаторских проектов и т. д.

Накопление денег все больше превращалось в самоцель, в страсть, разновидность спортивного состязания.

Для Я.А. Немчинова, самого богатого человека Сибири XIX в., была характерна "смековатая деятельность", умение "поставить копейку ребром и вышибить из нее две". Работал "каждый день, а иногда и ночи, если требовало дело", никогда не давал деньги "без какой-нибудь выгоды для себя", торговал всем, "лишь бы было выгодно"³. Для привлечения покупателей или для того, чтобы отбить конкурентов, кто-то из Немчиновых написал в столичную газету, что чай содержит чистую кровь. Обыватели завалили газету письмами. Одно из них легло в основу сюжета "Хроники петербургского жителя" Н.А. Некрасова⁴. Е.Д. Петряев приписывал авторство А.Я. Немчинову, который "смолоду писал в газеты"⁵. Но Я.А. Немчинову в то время было 3 года. Авторами письма могли быть либо его отец, либо кто-то из старших родственников – чаоторговцев.

Постоянные занятия рождали у купцов привычку торговаться. Отдельным купцам это доставляло даже удовольствие. Имея "полумиллионную ренту", будучи разбитым параличом, в полудвижимом состоянии Я.А. Немчинов не изменял своим привычкам. Он заставлял в ярмарочные дни выставлять коляску, при помощи которой он передвигался, перед домом, чтобы иметь контакты с мужиками, везущими свои товары на рынок. Часто торговался с ними "до потери сил". Всякая информация, поступающая от деловых партнеров, вызвала у него живейший интерес, а сообщения о возможной или принесенной торговыми операциями прибыли "как будто вливали в него несколько струй живой крови"⁶.

Купцам часто были присущи грубые, а в некоторых случаях и криминальные методы первоначального накопления капитала. П.А. Кропоткин отмечал, что "сибиряк... большей частью очень толков, сметлив, удивительно опрятен и любит чистоту в избе, но вместе с тем он хитер, надувает вас, если вы поддаетесь, и немного слишком материально относится к жизни"⁷.

Ярким примером всепоглощающей страсти обогащения может служить заметная фигура томского купца Е.И. Королева. Современники улавливали это противоречие: "Незаметная в других любовь к деньгам... особенно резко и ярко бьет в словах Королева. Между тем мало кто сравнится в Томске по результатам хозяйственной и общественной работы..."⁸ Но такого купца можно было найти почти в любом уголке Сибири, в том числе в уездных городах.

Грубые методы первоначального накопления зачастую были единственно реальным способом, чтобы выжить в торговой жизни в

условиях жесткой конкуренции со стороны купечества и других сословий. Но общая негативная оценка купечества в период господства марксистско-ленинской теории отражала крайнюю точку зрения на торговое сословие. Купечество, как правило, отображалось как скопище алчных самодуров. Исключение делалось для тех, кто материально поддерживал революционеров да совершил нечто исключительное: собрал для России бесценную картинную галерею, выстроил клинику, занимался книгоиздательством. В свое время еще Горький заметил: "Литература наша пристально купцом не занималась. Для дворян-писателей купец – не герой, а для разночинцев – хозяин и враг"⁹.

В воспоминаниях В.М. Флоринского имеется утверждение, что начало обогащения некоторых томских купцов (Кухтерина, Пушников, Петрова, Родионова) было положено разбоем¹⁰. Аналогичные слухи были про тарских купцов Шанских. В начале 1890-х гг. они служили у своих родственников купцов Девятериковых. Вместе поехали на Никольскую ярмарку в Ишим, где Д.И. Девятериков скоропостижно скончался. Братья Шанские привезли тело и передали брату К.И. Девятерикову вместе с кожаным мешком, в котором были деньги, вырученные на ярмарке. Сколько должно быть денег никто не знал, и никто не подозревал тогда Шанских. Но когда через год, вернувшись с приисков, они открыли свое дело в Таре, стали ходить упорные слухи, что Шанские в дороге задушили артынского купца. Мать приказчика А.А. Новокшенова, выражая мнение бытовавшее в среде обозных ямщиков, говорила о том, что противостоять набравшим силу купцам никто не стал потому, что "этим не оживили бы Девятерикова, а у Шанских уже все начальство было подкуплено"¹¹.

Распространены были случаи мошенничества. Тюменский купец Н.М. Чукмалдин имел компаньона Загорского, владельца крахмального завода. Вернувшись из длительной поездки в Европу, он обнаружил, что Загорский забрал у его доверенного половину капитала, а взамен поставил фабрикаты по низкой цене, но и низкого качества¹².

В Тюменском округе торговой деятельностью занимались крестьяне Гребешковы. Они скупали сало сырец и продавали его екатеринбургским купцам. Гребешковы часто прибегали к кредитам. Так, в 1786 г. Гребешковы получили у некоего Курочкина 562 руб. 50 коп. аванса под 500 пудов сала. Забрать сало в 1786 г. они не успели. Курочкин явился за салом в следующем году, но Гребешков ему не стал отдавать ни полученного аванса, ни сала, оправдывая это тем, что прошел год. В результате Гребешкова под конвоем доставили в Тобольск, где дело решали в судебном порядке¹³. В декабре 1788 г. омский купец Л.П. Пеньковский заключил контракт на продажу Гребеш-

ковым 1000 пудов сала, взял задаток 176 рублей и в январе 1789 г. подсунул Гребешкову некачественный товар, а потом, размахивая топором, выгнал возмущенного Гребешкова¹⁴.

С фактами мошенничества в рассматриваемый период сталкивался практически каждый, кто занимался торговлей, оказываясь кто в роли мошенника, кто в роли потерпевшего. С проявлениями страсти к обогащению любыми средствами можно было столкнуться повсеместно. Так, в Тюмени "запрашивать больше, чем двойные цены, продавать товара с 30–40 % пользы считалось столь нормальным, что продавец, умевший успешно это делать, был "на счету" и пользовался славой хорошего человека"¹⁵.

Тем не менее было бы ошибкой признавать единственно верным примитивность и паразитизм, хищничество и накопительство как главные всепоглощающие черты деятельности купечества. Противоречивые характеристики были во многом общими в период становления буржуазных отношений как в России, так и в других странах. Облик сибирского купечества представляется весьма противоречивым. С одной стороны, современными исследователями отмечается отсутствие политической и социальной самостоятельности купечества. Стремление к свободе у него сочеталось с поисками высоких покровителей из аристократии и чиновников. Желаемым для верхушки купечества был дворянский титул. С другой стороны, к позитивному началу русского купечества относят работу по налаживанию системы капиталистического хозяйства в стране, противодействие феодально-бюрократической системе и выработку собственного самосознания¹⁶.

Накопление и приумножение своих средств в глазах сибирских купцов было совершенно естественным и оправданным, в этом они не находили ничего предосудительного. Купцам, как и людям многих других профессий, нельзя было останавливаться на достигнутом результате, так как это закономерно вело бы к застою, а потом к кризису и банкротству.

Через торгово-промышленный бизнес купцы занимали более высокое место в общественной жизни, зарабатывали авторитет, усиливали свое влияние на чиновников. К активной деятельности побуждали внутренние потребности в самоутверждении, призвание и т. д. Можно выделить потребность в ощущении риска от действий с неопределенными результатами. Молодые стремились проверить свои силы, установить пределы своих возможностей, испытать, познать, преодолеть... Как правило, уже первые торговые поездки давали риска больше, чем хотелось, а жизнь заставляла идти дальше: заключать сделки, осуществлять рискованные торговые операции. Став на пред-

принимательский путь, с него уже было не просто свернуть. Предпринимательская деятельность связывала купцов обязательствами перед другими людьми, фирмами, требовала новых начинаний, поиска оптимальных решений, расширения бизнеса. Для многих купцов, особенно выходцев из низов, купцов в первом поколении, большое значение имело ощущение независимости. Экономическая независимость расширяла пространство свободы. У тех купцов, которые рано начали заниматься коммерческой деятельностью, рождалась потребность заниматься делом привычным, известным, в котором они уже успели себя проявить.

Основные отличия купцов Западной и Восточной Сибири связывали с тем, что города Западной Сибири торговали громоздкими сырыми материалами (их чаще везли до Ирбита), а из Восточной Сибири везли дорогие и удобные для перевозки товары: меха, золото, чай, которые шли на Нижегородскую ярмарку. Поэтому иркутские купцы были "ближе к столицам". Это было важно "для усвоения если не духовной, то, по крайней мере, внешней культуры" европейцев. Характер деятельности и товары, которыми приходилось торговать купцам, накладывали определенный отпечаток даже на внешний облик купцов¹⁷.

Отметим особенности экономического быта купцов Тары, всегда вбиравшей в себя черты жизни города и деревни. Горожане держали много скота и птицы. Серьезной проблемой для жителя Тары был выпас скота, заготовка сена, овса, картофеля и другого корма для животных, его вывозка в места складирования. Актуальной была проблема сохранения кормов, здоровья животных, поддержания необходимой чистоты на улицах и во дворах усадеб. Купечество, занимавшее доминирующие позиции в городском самоуправлении, требовало применения строгих мер по отношению к тем, кто нарушал установленный порядок по очистке улиц и дворов. Для жителей, имевших большие усадьбы, такие строгости требовали большого напряжения сил. Сын купца А.С. Носков, оставшись один в большом доме родителей, с трудом управлялся с уборкой территории вокруг дома¹⁸. Тем не менее жесткие требования купечества находили понимание обывателей, не державших работников¹⁹.

Местное купечество имело тесные контакты с крестьянами близлежащих деревень. Многие выезжали на сельские ярмарки, хлебосольно принимали родственников и знакомых во время городских ярмарок. Ярмарки занимали в жизни сибиряков, в том числе и в Тобольской губернии, где они были более всего распространены, особое место. Главным образом они служили для обмена товарами, сельскохо-

зяйственными продуктами, но, кроме этого, они были местом общения, передачи информации, получения определенного духовного заряда²⁰. Вспоминая самую малооборотную летнюю Тихвинскую ярмарку, старожилы восхищались ярмарочными вечерами: "Гулянье так гулянье!"²¹.

Участие в сельских ярмарках расширяло деловые контакты с торгующими крестьянами, служило средством обмена житейским опытом, элементами одежды, "домообзаводства", манерами. Тарские купцы в середине XIX в. выезжали на Апостоло-Лукинскую, потом Петрапавловскую и Казанскую ярмарки в с. Муромцевское, Дмитриевскую в Такмык, Троицкую в с. Пустынское, Ивановскую и Прокопьевскую в с. Евгашинское, Юдинскую и Матвеевскую в с. Нижне-Колосовское и на другие ярмарки. Такие выезды были обычным делом для тарских Пятковых, Дудиковых и других купцов²².

Важную роль играли купцы в формировании градостроительной планировки. Уже в XVIII в. ядром всей планировки Енисейска, Тары, Троицкосавска – Кяхты, Тюмени и других уездных городов стали торговые места, гостинодворные площади. В Кяхте во второй четверти XIX в. началось строительство нового гостиного двора, который стал одним из красивейших в Восточной Сибири²³.

Почти в каждом городе были улицы, которые были названы купеческими именами и фамилиями: в Кургане – Бакиновский и Шишкинский переулки, Смолдинский поселок, в Тюмени – ул. Подаруевская, в Таре – улицы Нерпинская, Немчиновская, Катовский, Лапинский, Нерпинский, Пятковский, Ратушинский, Щербаковский переулки. Купцы были либо первопоселенцами на новых улицах, либо владельцами самыми большими и красивыми постройками на этих улицах. Название одного из переулков Тары связано с "уличной" фамилией купцов Машинских – Ратушинские²⁴. Торговля тогда была делом всеобщим и не случайно центральными в малых городах становились ярмарочные и базарные площади.

Сохранившиеся купеческие особняки Ачинска, Бийска, Ишима, Кяхты, Тары, Тюкалинска и других провинциальных городов Сибири являются островками живой истории. Купеческие жилые дома и торговые корпуса частично сохранились в с. Артын (Девятериковых), с. Евгашино (Калижниковых, Ярковых), в с. Низовом (Савостьяновых), с. Такмык (Дудиковых), в с. Муромцево (Обуховых, Ширяевых). Они – свидетели особой роли купечества в жизни этих городов. Купечество играло активную роль в их экономике и общественной жизни, имело относительно большие, по сравнению с остальным населением, свободные капиталы, которые направляло на строительство вместитель-

ных, с хорошей внутренней и наружной отделкой торговых и жилых домов. Эти сооружения являются отражением исторической эпохи, экономических, политических, стилистических градостроительных изменений, происходивших на протяжении почти трех веков.

Наиболее старыми в г. Таре являются деревянные постройки середины XVIII в., так как Тара начиналась как деревянный город, но таких купеческих строений почти не осталось, поскольку деревянные строения более уязвимы, ведь город преображали не только люди, но и пожары. Сохранились деревянные купеческие дома Нерпиных, Носковых, Немчиновых. Хомякова; деревянные дома с полуподвальным каменным этажом – Деевых, Конаревских, Смороденниковых, Пятковых, Шанских, Машинских, А.Ф. Коншина; с каменным (торгово-служебным) и деревянным (жилым) этажом наверху – Пятковых, Айтыкиных, Щербаковых, Шанских, Носковых, Я.В. Орлова; каменные дома – Нерпиных, Пятковых, Машинских, Айтыкиных, К.В. Балыкова, Я.Ю. Рамма, С.Д. Макарова. В течение двух веков усилиями купечества был создан неповторимый облик Тары. Он тесно связан с особенностями ландшафта, вертикальными архитектурными акцентами: церквями, мечетью, синагогой, мельницей К.С. Яркова, двухэтажными купеческими особняками.

Сохранились и продолжают оставаться украшением г. Тюкалинска особняки и торговые помещения купцов Ф.С. Афонина, Э.А. Блендовского, С.С. Волкова, И.Ф. Савельева, А.И. Тарасова, В.И. Фирстова. Сохранилось несколько купеческих домов в Кяхте (М.А. Коковина, А.М. Лушников, И.Д. Синецына), несколько домов по решению местной власти в 1921 г. были перевезены в монгольский город Алтан-Булак.

Местом компактного проживания купцов в Таре была Базарная площадь, но разброс жилых домов был значительным по улицам Александровской, Бульварной, Никольской и Нерпинской (Немчиновской). На ул. Советской (бывшей Никольской) находится самый первый частный каменный дом на территории современной Омской области – дом коммерции советника И.Ф. Нерпина. Точной даты постройки дома пока установить не удалось, предположительно это произошло в 1794–1796 гг. Впоследствии дом перешел в собственность одного из зятьев Немчиновых М.Ф. Пяткова. Другой дом больше известен как "Немчиновский", поскольку в нем помещался городской общественный банк Я.А. Немчинова и сиропитательное заведение с ремесленными классами. Долгое время считали, что здание построено Немчиновым. Существует несколько легенд вокруг этого дома²⁵. А.Р. Ивонин (Барнаул) без сомнения называет его "Нерпинским". Нам известно, что некото-

рое время им владел томский золотопромышленник Асташев, а потом он перешел казне. Наиболее достоверными сведениями на этот счет располагал бывший секретарь педсовета женского училища, ставший впоследствии редактором газеты "Степной край", — А.Г. Демин. Он утверждал, что Я.А. Немчинов купил у казны за 5 тыс. руб. "заброшенный и полуразрушенный" дом Нерпиных, т. к. решил открыть в Таре сиропитательное заведение и городской общественный банк. Он выделил брату Н.А. Немчинову и зятю В.И. Серебренникову 10 тыс. руб. на ремонт²⁶. Имеются данные и о последующих ремонтах. В начале XX в. на средства Е.Я. Пятковой была произведена замена перекрытий²⁷.

Дом для купца был больше, чем место для жилья, дом был показателем, мерил его богатства. Поэтому купцы выработали свой заказ на архитектуру домов особого, "купеческого" типа. Купеческие постройки можно условно разделить на три группы: деревянные, полукаменные и каменные. Эти здания обычно носили многофункциональный характер, совмещали в себе жилище хозяина и его семьи с торговыми, складскими и хозяйственными постройками. В провинциальных городах в основу такого комплекса были положены одно-двухэтажные здания. Дома Нерпиных в Таре, Лушниковых в Кяхте, Немчиновых в Верхнеудинске дополнялись массивными глухими воротами с кирпичной аркой, каменными заборами. Купцы строили прочно, надолго. Вместе с тем дома выделялись своей красотой, лепными украшениями, фигурным кирпичом, деревянными узорами.

Сравнительный анализ металлических элементов отделки купеческих особняков (водосливных ковшей, металлических решеток балконов, кованых пролетов заборов и т. д.) показывает, что большая часть используемых в качестве украшений изделий в Ишиме, Ирбите, Камышлове, Тобольске, Тюкалинске, Таре выполнялась по одним образцам. Мы связываем это с подвижным образом жизни купцов. Во время посещения ярмарок, в период пребывания в других городах купцы могли заимствовать у местных мастеров эскизы, а наиболее состоятельные приглашали мастеров для выполнения работы на месте.

Большие и богато украшенные дома выполняли необходимую для дела производственно-представительскую функцию, являлись свидетельством благополучия купца, вызывали доверие у кредиторов и торговых партнеров. Не случайно на бытовом уровне о силе купца судили по его дому.

Для наиболее активной части провинциального купечества была характерна забота не только о своем доме, но и о внешнем облике, благоустройстве, ухоженности родного города. Вклад купцов в благо-

лепие церквей, строительство общественных зданий, благоустройство улиц и площадей был разным. Он определялся материальным, общекультурным уровнем, силой патриотических чувств, потребностями города и другими обстоятельствами.

Имеются весьма противоречивые оценки внешнего облика сибирских городов. О Тюмени "Восточное обозрение": в центре города "ухабы похожи на волчьи ямы". "Сибирская торговая газета" тюкалинскую грязь назвала "классической". В Бийске ноги прохожих чувствовали скользкие доски, проложенные над "пропастями летней сибирской грязи"²⁸. Улицы Тары во время распутиц превращались в сплошную труднопреодолимую грязь. Но здания церквей и типичные для сибирской провинции особняки купцов, чиновников и зажиточных мещан делали вид города привлекательным. В кратком статистическом описании за 1864 г. отмечено: "Вид Тары довольно живописен при въезде с Тобольского тракта, но гораздо лучше от Иртыша или от часовни Св. Модеста, построенной под горой, верстах в двух от города, которому вид церквей придает много красоты..."²⁹.

Все культовые сооружения (6 православных церквей, мечеть, синагога, часовня Святого Георгия, трапезная, пристроенная к Тихвинской церкви, часовня Святого Модеста) выстроены как бы в два этапа. Все церкви и мечеть появились в период наибольшего экономического подъема Тары — во второй половине XVIII — первой трети XIX вв. Выводы о том, что возведение такого количества каменных сооружений в небольшом городе "ярко освещает высокий уровень благосостояния его жителей", вполне обоснованы. Это было время появления в Таре крупных капиталов Нерпиных, Пятковых, Филимоновых, Айтыкиных, быстрого роста мелких предпринимателей. Во "Всепокорнейшем прошении..." и "Доношении..." о ходе строительства и других материалах дела о построении каменной, вместо обветшавшей деревянной, Спасской церкви мы находим имена лишь мелких предпринимателей³⁰. Наиболее состоятельные тарчане не были в 1750-е гг. прихожанами храма, который является первым каменным строением на территории современной Омской области. Но купцами отпускались средства на его ремонты. Возведение в 1769–1783 гг. Николаевского собора связано с именем купца Я. Перменева, что является свидетельством возрастающей роли купечества в развитии города³¹. В 1842–1843 гг. на средства купца Ф.И. Пяткова был произведен ремонт колокольни Успенской церкви, приписанной к Николаевскому собору³².

Три тарских церкви (Богородице-Казанская — 1777 г., Тихвинская — между 1782–1789 гг., Старость-Параскевиевская, чаще именуемая Пятницкой — 1791–1831 гг.) возводились "усердием" купцов Нер-

пиных, которые в конце XVIII – начале XIX вв. были самыми богатыми людьми в Таре. После смерти И.Ф. Нерпина строительство церкви завершали его супруга К.Ф. Нерпина, зять граф П.И. Ивелич, служивший в Ширвинском полку, и дочь Т.И. Ивелич³³. На средства, отпущенные Нерпиными, а позже Немчиновыми, производилось благоустройство Тихвинского кладбища. На деньги Нерпиных староста Казанской церкви купец С. Можантинов вызолотил колокола. Практически все наиболее значительные источники дают информацию об этих шести колоколах, слывших "в народе под именем золотых", как "примечательной особенности", которой "решишь нигде не встретишь в целом государстве"³⁴.

Потребность в создании привлекательных культовых сооружений была присуща не только православным купцам. По утверждению Ф.Т. Валеева, тарские бухарцы Айтыкины в 1793 г. "внесли значительную сумму" на строительство каменной мечети³⁵. В начале XX в. успешно начиналась коммерческая деятельность братьев Сутиных, Балиных, Я.Ю. Рамма, М.В. Вайнштейна, Р.Я. Зильбермана, поэтому в 1906 г. усилиями предпринимателей-евреев была возведена деревянная синагога³⁶.

Важный этап культового строительства в Таре связан с деятельностью имевших особое отношение к религиозным храмам уроженцев г. Тары купцов Немчиновых. Они вкладывали деньги в возведение трех часовен, капитальный ремонт церквей, исправление иконостасов, восстановление былой самостоятельности трех приходов, в строительство Никольской церкви в с. Бутаковском. Об этой стороне благотворительности Немчиновых более подробно изложено в других публикациях автора³⁷.

Заботой о благоустройстве родного города были продиктованы шаги купцов Щербаковых, разбивших в центре Тары городской сад. До революции 1917 г. его так и называли "Щербаковский". Щербаковы и Пятковы содержали при домах садовников, что в мелких сибирских городах встречалось нечасто. Им же принадлежала инициатива по поддержанию в хорошем состоянии дорог, ведущих в нижнюю часть города: на пристань и кожевенный хутор. Нерпинская улица, расположенная в низком болотистом месте, мостилась лиственными плахами, а Никольская улица и Пятковская дорога до пристани устилались лиственными чурками. Чурки вымывались во время весенних разливов Иртыша, работу приходилось повторять чуть ли не ежегодно.

На примере г. Тары видна активная роль купечества в благоустройстве и создании привлекательного внешнего вида города. Но отсутствие дешевых местных материалов для строительства и ремонта

уличного дорожного полотна, слабые технические возможности, отсутствие организованных муниципальных коммунальных служб делали эти усилия малоэффективными.

Постоянные грабежи и кражи были неотъемлемой частью городской жизни XIX в. Потребность в защите от воров и вымогателей у провинциального купечества сохранялась в дальних и опасных путешествиях и, в меньшей степени, в своих населенных пунктах. Купцы вынуждены были принимать меры безопасности. У тюменца Решетникова все заборы были "унизаны гвоздями острием вверх, а ворота запирались на ночь висячим замком"³⁸. Более всего заметна активизация криминальных элементов в период проведения ярмарок. В Ирбите случались кражи чайных цибиков прямо со складочных мест³⁹. Известны случаи, когда в своих городах купцы подвергались вымогательствам. В январе 1912 г. у тарского купца Н.К. Машинского дважды письменно требовали заплатить 300 руб., положив деньги "под левый угол крыльца" магазина на Базарной площади. Не в пример современным предпринимателям Машинский сразу же обратился в полицию, и вымогатель в течение двух дней был изобличен⁴⁰.

Несмотря на условия жизни в городе, на богатые и относительно комфортабельные для того времени жилища, купцы во многом сохранили народный уклад жизни. Многие не любили парадных апартаментов⁴¹.

Особенно ярко проявлялись народные вкусы купца в выборе пищи. Будучи материально обеспеченной группой, купцы могли познакомиться в трактирах, ресторациях и в гостях у местной знати с блюдами европейской кухни. Однако предпочтение отдавалось сибирской кухне, основательность и питательность которой определялась суровостью климата и доступностью продуктов. Особым зимним блюдом были пельмени. Как и щи, они являлись желанными в купеческих домах. Деятельность купцов была связана с частыми разъездами. В дороге выбор пищи был невелик и купцам приходилось испытывать ограничения в пище. Питались в постоялых дворах, в трактирах, использовали, чтобы экономить время, замороженные "консервы": мороженые щи или пельмени, так как "... едва ли можно подыскать им равные по удобству, питательности и легкости перевозки зимою"⁴². Н.М. Ядринцев в шутку замечал, что когда на столе появляются пельмени, то все остальные блюда "бывают поражены паникой и не смеют являться на стол"⁴³.

Кроме насыщающей функции, у купеческого обеда были еще и дополнительные функции – социальная, эстетическая и этическая. Купцы устраивали застолья, попойки, приглашали друг друга в гости.

Приглашение к обеду было знаком особого расположения. Обеды предоставляли возможности для неформального общения, решения деловых, семейных вопросов, демонстрации благосостояния. Кяхта славилась обедами, организованными купечеством в честь приезжающих чиновников с целью заполучить их особое к себе расположение. Обеды у китайцев в Маймачене сближали деловых партнеров. Эти обеды представляли целый ритуал и состояли в лучшие времена из 50–70 блюд⁴⁴. Праздничные обеды носили отпечаток местных обычаев. Ярким и колоритным праздником у кяхтинцев было Рождество – "период холодов и сезон строганины". Сырые замороженные нельма, осетр, стерлядь строгались на морозе, рыба свертывалась тонкими просвечивающимися стружками, все посыпалось перцем и солью. Огромные блюда, доверху наполненные строганиной, подавались на стол. В Кяхте кусочки строганины обмакивались в китайский уксус. Строганина являлась одним из любимых блюд сибирского купечества, считавшего, что она "лучшая закуска к водке"⁴⁵.

По воспоминаниям служащей торгового дома К.Г. Кислицыной, у купца К.В. Балыкова в Таре в его каменном двухэтажном особняке, когда собирались гости, ей приходилось принимать "у кого шляпу, у кого пальто", а при уходе выдавать одежду. Гости всегда давали деньги, а с "шикарного стола" всегда что-то оставалось для прислуги, поэтому в день приема гостей у прислуги было не только много работы, но и лучшее, чем в обычные дни, питание⁴⁶. В Ирбите местные ребятишки с восторгом встречали Ненилу, кухарку постоялого двора. Однажды она их кормила огромным пирогом, объясняя: "...барнаульскому купцу Николаю Кирилловичу Машенскому стряпала. Из стерляди изволил заказать. Любитель поесть... Господа, им каждый день свежее..."⁴⁷. Требуется уточнить, что героем этого сюжета из книги И.Я. Антропова стал тарский купец 2-й гильдии Н.К. Машинский, часто выезжавший на Ирбитскую ярмарку.

Питание, как элемент материальной жизни, тесно связано с социальным положением. Купцы, имевшие относительно высокий уровень благосостояния, имели лучшее, чем основные слои городских жителей, питание. В калорийной пище они не отказывали себе ни при каких обстоятельствах. Этого требовали "походный" образ жизни и суровые природно-климатические условия.

С другой стороны, обилие пищи, способы сибирского питания накладывали печать на характер сибиряка и даже его внешний вид. В Сибири более, чем где-либо, встречались люди приземистые, крупных размеров, "увесистые". В очерке И. Подлесского в характере сибиряка отмечены такие качества, как холодность, рассудочность, критическое

отношение к действительности, отсутствие всякой сентиментальности, презрение к "идеальному"⁴⁸.

Многое в материальных потребностях купцов было таким же, как у мещан и у крестьян, только значительно дороже и больше по количеству. Наиболее ярко это проявлялось в одежде купцов. В парадных случаях купцы вынуждены были отдавать дань европейской моде, одеваясь в сюртуки, жилетки и туфли. Но лучше и естественнее они чувствовали себя в сапогах с высокими голенищами, картузе и длиннополых, утепленных, из толстого сукна сюртуках, получивших название "сибирок". По своему назначению сибирка была универсальна и выполняла роль летнего пальто. Специалист по истории русского костюма Р.М. Кирсанова называла сибирки, с одной стороны, "признаком мелкого, часто провинциального купечества", а с другой – "средством эпатажа, нарочито выражающим стремление подчеркнуть свою сословную принадлежность"⁴⁹. Эту особенность российского купечества замечали и иностранцы. У. Маккензи подчеркивал, что русский купец обыкновенно носил платье, "указывающее на его социальное происхождение"⁵⁰.

Одежда купчих отличалась большим разнообразием. Со временем становились менее заметными различия в одежде купчих-провинциалок и купчих крупных городов. Е. Авдеева-Полевая делала вывод: "Кто приедет прямо из Москвы или Петербурга, тот мало заметит разницы в одежде"⁵¹.

В целом одежда сибирского купца незначительно отличалась от одежды провинциального российского купца. Купцы носили длинный сюртук – сибирку с жилетом, рубаху "косоворотку", шаровары или брюки, заткнутые в сапоги с высокими голенищами. На голове принято было носить низкие картузы, иногда с блестящим лаковым козырьком. Зимой купцы одевались в соответствии с суровым климатом: Сибирские валенки, доха, часто полшубок или тулуп, меховая шапка и киргизская корчма (покрывало) служили надежными защитниками от холода и буранов. По мнению Р. Пайпса, "В отличие от дворянства, которое пошло на поводу у Запада и утратило все следы восточного наследия, купцы оказались более косными и до начала XX в. сохранили типично восточный внешний вид..."⁵²

Ведя достаточно подвижный образ жизни, купцы имели потребность в отдыхе, смене рода деятельности. Здесь многое определялось материальными возможностями, уровнем интеллектуального развития самих купцов, потребностями членов семей, традициями и привычками жителей данной местности.

В первой половине XIX в. среди сибирского купечества быстро распространилось увлечение пить чай. К концу века чаепитие постепенно стало непереманным атрибутом отдыха и семейных вечеров. Отчасти это было вызвано стремлением выделиться среди простых горожан и крестьян. С появлением дешевых сортов чая потребление его в Сибири стало повсеместным. Чай был еще дорогим, а купцы им торговали, в середине XIX в. они могли позволить себе выпивать огромное количество чая. Чаепитие стало определенной церемонией, своеобразным этикетом. Без чая не обходились званые обеды, походы в гости. Сервировка обедов подробно описана в специальной литературе⁵³.

Особое место в купеческой жизни занимали кутежи. Давая купцам какую-то разрядку, они вряд ли способствовали укреплению их организма. Посещение ресторанов семьями было нечастым, в литературе чаще встречаются примеры посещения ресторанов купцами для деловых встреч. В купеческой среде, как и в других слоях общества, были люди, склонные к превращению своей жизни в сплошной праздник, но господствующее мнение о купцах как кутилах, не имевших конкурентов в употреблении спиртного, по нашему мнению, сильно преувеличено. Купцы в основной своей массе были людьми деловыми, а злоупотребление спиртным всегда была плохим помощником в любом деле. Хотя справедливо и то, что за столом с шампанским и водкой проще решались многие деловые вопросы. Небольшой выбор развлечений в условиях провинции во многом способствовал разгульной жизни.

Долгое время в проведении свободного времени купцы были верны старинным обычаям: участвовали в азартных соревнованиях, демонстрируя свое физическое развитие, были участниками кулачных боев, единоборств, лошадиных бегов. В Таре хорошо знали о физической силе купца П.В. Шанского. Купец был глуховат, молчалив, приземист, на вид суров, его побаивались⁵⁴. В с. Такмыкском Дудиковы и Жаковичи поощряли бои "стенка на стенку" между улицами Омской и Тарской. Победителям выкатывали бочку вина⁵⁵. В Таре в конце XIX – начале XX вв. популярными были скачки верховых и лошадиные бега. В городе был оборудованный ипподром. Своих беговых лошадей имели Пятковы, Шанские, Щербаковы⁵⁶. На бегах в Тюмени побеждали лошади П.И. Подаруева, Н.И. Давыдовского, А.И. Щербакова⁵⁷. В Кяхте все – и барышни, и дамы, и мужчины – были наездниками, выписывали лучшие седла. И.Д. Синицын сохранил сидейку – легкую повозку, сконструированную декабристом Бестужевым. На сидейках, запряженных парами, устраивались гонки⁵⁸. А.Я. Немчинов (всегда удивлявший кяхтинцев экзотическими выходками) при возвращении с

Ямаровских вод уговорил ямщика спуститься с хребта Капсаль без тормозов. Обычно в этом месте тормозило не одно, а три колеса. Немчинов пообещал ямщику избу и 100 руб. денег. Ямщик польстился и чуть не изувечил себя, седока и лошадь. Осознав, какой опасности подвергался, ямщик не хотел брать денег, но Немчинов их честно выплатил⁵⁹. Этот случай является исключением, так как у купечества было особо трепетное отношение к животным, особенно к лошади, необходимой в домашнем хозяйстве, делах и во всей повседневной жизни. Тюменцы Подаруевы и Давыдовские, как и многие другие сибирские купцы, на своих заводах выращивали породистых рысаков.

Многие провинциальные купцы были увлечены охотой и рыбалкой. Ходили на медведей. В прихожей дома тарского купца Я.В. Орлова стояло чучело медведя, убитого им на охоте. Другой тарский купец В.М. Деев очень гордился своим "дамасским" ружьем и охотничьими подвигами⁶⁰. Кяхтинские купцы Н.Л. Молчанов, И.Д. Синицын, В.А. Собенников убили по два-три десятка медведей. Весной ездили на р. Буру, где набивали "телеги дичи". На охоту ездили с комфортом: везли тюфяки, ковры, палатки, деликатесные продукты и выпивку. В то же время не признавали охоты по насту, "чарыму", когда козы, гонимые охотниками, пробежав сотню-другую метров, резали ноги и падали на снег. Летом, когда козы были тяжелые, тоже не охотились⁶¹. У людей, близких к природе, эти качества ценятся очень высоко. Следовательно, кяхтинцы были не временщиками, главная задача которых "хапнуть и убежать", а людьми житейски мудрыми, думающими не только о себе, но и о будущих поколениях.

Из рыбалки кяхтинские купцы любили ловлю налимов на удочку во время половодья, а молодежь ездила на монгольскую территорию вытаскивать осетров баграми из ям⁶². Жаркие летние дни купеческие семьи проводили в Усть-Киране на р. Чикой на дачах, которые имели вполне благоустроенный вид и в которых все было приспособлено для здорового отдыха. П.О. Немчинова в письме мужу Ф.М. Немчинову сообщала о купании в специально подготовленных купальнях: "После нашей сварливой, пошлой, бестолковой суеты я попала в рай"⁶³.

Физическая форма многих купцов была очень хорошей. Среди них встречались отличные стрелки, наездники, бильярдисты, шахматисты. М.В. Сабашников так характеризовал своего двоюродного брата (одного из зятьев Я.А. Немчинова) И.Д. Синицына: "Богатырь, какого другого я не встречал на своем веку, ...ходил один на медведей, которых к кому времени убил свыше сорока, нипочем останавливал тройку взбесившихся лошадей, был невзыскателен ко всем удобствам

жизни". В Кяхте ходило немало рассказов об охотничьей удаче Н.Л. Молчанова, который подпускал к себе медведя почти вплотную. Он умел и в деловых вопросах проявлять чудеса выдержки. Ежедневные переходы от торговой слободы до Троицкосавска (четыре версты) он не отменял "ни при какой погоде, ни при каком торжестве"⁶⁴. Средства, которые имели купцы, позволяли им поддерживать довольно высокий уровень благосостояния, приобретать себе богатые, добротные вещи, не испытывать лишений, характерных для простого народа. Это позволяло при условии воздержания от излишеств и при постоянной работе иметь неплохое физическое состояние до глубокой старости. Анализируя генеалогические данные, мы чаще встречаем не долгожителей: М.Ф. Немчинов – 49 лет, А.Ф. Пятков – 47, А.Я. Немчинов – 40, А.В. Захаров – 37, С.К. Кузьмин – 35. В возрасте от 50 до 70 лет ушли из жизни Т.Т. Рзянин – 51, В.С. Юдин – 56, В.Ф. Захаров, И.А. Носков, М.Ф. Пятков – 60, А.И. Щербаков, Г.В. Юдин – 62, И.А. Нерпин – 63, А.-Ф.Н. Айтыкин – 65, И.М. Ушаков – 67, И.М. Зубов – 69. В.И. Серебренников прожил 74 года, И.Е. Щербаков – 75 лет, Н.Я. Лоскутов – 84, И.Е. Немчинов – 80, Я.А. Немчинов – 81, А.А. Михайлов – 86, К.И. Девятериков – 95.

Судя по свидетельствам современников, во многих купеческих домах и семьях сибирской провинции XIX – начала XX вв. складывался достаточно высокий культурный уровень⁶⁵. Материальные потребности были по сути своей народными. Быт был ближе к быту средних городских слоев, чем в крупных сибирских и европейских городах, где объектом подражания для купцов в большей степени было дворянство, а позже интеллигенция⁶⁶. Основные потребности и интересы сибирского купечества служили базой для формирования у него социальных и ценностных ориентаций, во многом определяли нормы его поведения.

Составной частью социальной психологии провинциального купечества была его социальная ориентация, понимаемая нами как степень самостоятельности рассматриваемой сословной группы. Важнейшей задачей в решении данного вопроса является определение степени осознания провинциальными купцами категорий "мы" и "они", зрелости или слабости их социальной позиции.

Учитывая, что сибирское купечество стало зарождаться только в середине XVIII в., а процесс его становления протекал в постоянном отсеивании слабых неустойчивых элементов, можно принять как обоснованный тезис М.М. Громыко об отсутствии у сибирского купечества осознания общности интересов, сознательного противопоставления себя как единой социальной группы внешней среде⁶⁷. В XIX в. у

купечества зарождался, постепенно усиливался и укреплялся корпоративный дух. В силу известных обстоятельств (относительно небольшой количественный состав, большие возможности для общения, более сильные позиции и более сильное влияние на все стороны жизни населенного пункта и его жителей) сплочение провинциальных купцов происходило быстрее и было более прочным. Конечно, этот процесс не везде протекал с одинаковой силой. Многое зависело от специфики местных условий, от соотношения численности купеческого сословия и административно-чиновничьего аппарата, от величины и силы местного капитала, наличия или отсутствия в местном купеческом сообществе людей с явно выраженными лидерскими качествами.

Рассматривая корпоративный дух в развитии и учитывая, что купечество было "третьим сословием", мы связываем темпы этого процесса с усилением экономической мощи сословия. Именно под влиянием растущей экономической мощи у купцов формировалась новая система ценностей и правил, определявших их убеждения, моральные устои и поведение в различных ситуациях.

"Купеческую честь", свод правил поведения в различных ситуациях, связанных с профессиональной деятельностью, считают наиболее значимым качеством и важнейшей ценностью купеческого сословия⁶⁸. Они были характерны для представителей любой из групп общества с корпоративным типом отношений, особенно феодального общества, где обычной для представителей привилегированных сословий была двойная мораль. Долг чести распространялся только на представителей своей группы. У купцов: обогащение за счет казны или покупателя не считалось большим грехом, но в отношениях между собой выполнение взятых обязательств было делом святым.

Тюменский купец Н.М. Чукмалдин, вышедший в купечество из крестьянской среды, заметно отличавшийся высокой духовностью от большинства торговцев своего времени, не только успешно торговал, но и пытался осмыслить свой коммерческий опыт в общественном плане. В своих сочинениях он оставил своеобразный манифест честного торговца⁶⁹. Взгляды купца несут на себе печать влияния старообрядческой морали. В то же время в формировании этих взглядов особую роль сыграл местный интеллигент К.Н. Высоцкий, которому он был многим обязан в своем "душевном складе и развитии". Высоцкий не был "человеком практического дела", но мог "будить в душе воспитанника хорошие, человеческие инстинкты"⁷⁰. Для Н.М. Чукмалдина характерна некоторая идеализация сибирского купечества. Он описывает, как подчас огромные суммы денег купцы занимали в долг, не требуя расписки, под одно лишь купеческое слово. Невозвращение

долга, как считал Чукмалдин, наносило моральный удар самому должнику, после этого он становился ненадежным партнером, терял доверие купеческого общества⁷¹.

Сибирские приемы и отношения в Москве оказались "непрактичны, иной раз прямо невозможны", никто не давал денег без документов и процентов. Московские отношения Н.М. Чукмалдин назвал "жесткими и малочеловечными", здесь на первом плане "стояла сухая личная выгода, требовавшая всегда вексель и процент"⁷².

Становление самосознания провинциального купечества связывалось с влиянием декабристов и ссыльных⁷³. Это влияние наблюдалось, как и оппозиционность купечества по отношению к центральной и местной власти, но оно было преувеличенным, являлось отражением социальных воззрений советского времени. Политические взгляды купечества формировались в условиях особого, полукolonиального, положения Сибири, ставшей к тому же штрафной колонией империи. Тягу отдельных купцов к запрещенной литературе можно рассматривать не как некую оппозиционность к власти, а как стремление жить "по-европейски", не отстать от жизни, быть в курсе событий мирового и российского масштаба, а может быть, и как своеобразную демонстрацию своей силы и независимости.

Особой антипатии к ссыльным сибирские купцы не испытывали. Часто отношения складывались на основе меркантильной с обеих сторон заинтересованности. Купцы получали образованных и грамотных специалистов, особо не интересуясь их политическими взглядами, а ссыльные получали возможность обеспечить себя работой и, следовательно, средствами к существованию. Больше, как нам кажется, влияние политическая ссылка оказывала не на политическую ориентацию, а на культурно-образовательный уровень купечества. Тарский 2-й гильдии купец Е.И. Малахов под влиянием ссыльного Е.П. Михаэлиса увлекся археологией, стал вести раскопки, собирать "древности" в окрестностях Тары и Семипалатинска. Он создал частный археологический музей, составил археологическую карту, список исторических памятников округа, в 1867 г. получил за свои экспонаты одну из девяти золотых медалей на Всероссийской этнографической выставке⁷⁴.

На примере А.И. Щербакова можно проследить эволюцию общественно-политических взглядов провинциального купца. Его активной предпринимательской деятельности предшествовал длительный период духовных сомнений, поиска места в жизни, увлечений модными революционными идеями. Тарский 1-й гильдии купец И.Е. Щербаков, его отец, возлагая большие надежды на сына, отправил Алексея учиться в столичный университет. Время учебы Алексея совпало с

мощным подъемом студенческого движения. Он стал участником сибирского студенческого землячества. За участие в студенческих выступлениях его исключили из университета и заключили в Петропавловскую крепость одновременно с Г.Н. Потаниным, Е.П. Михаэлисом и сыном верхнеудинского купца А.П. Лосевым.

Молодые беспечные романтики, многие дети состоятельных родителей, когда разрешались посещения, не ощущая особых тягот, были веселы, общительны и разыгрывали целые спектакли, превращая место свидания в ресторан, "оригинальные арестанты буквально пиршествовали". По утрам занимались, читали, а после обеда происходили "вокальные упражнения", устраивались драматические сцены, даже сочинили оперу о студенческих событиях⁷⁵.

Высланные Щербаков и Михаэлис в Таре продолжили "бунтарский" образ жизни, привлекли к распространению прокламаций и другой запрещенной печати купцов И. Медведчикова и И. Михайлова. В 1867 г. произошел конфликт между Щербаковым и городничим Серковым. Друзья Щербакова устроили демонстративные поездки по городу в повозке, запряженной четверкой лошадей и в сопровождении верховых. Участники поездки имели на лице знаки каторжников, синие знаки под глазами намекали на частые кулачные расправы, устраиваемые городничим. Городничему передали слова Щербакова о том, что если бы он сам попался на улице, "то его и всю полицию разбили бы". Маскарадная шутка закончилась арестом⁷⁶. В доме И.Е. Щербакова был произведен обыск с целью поиска фальшивых кредитных билетов. Во время обыска были обнаружены "накрытые трехлетним слоем пыли" несколько номеров "Колокола" и приложения к нему "Общее вече" А.И. Герцена⁷⁷. В доносе городничий называл А.И. Щербакова "государственным преступником", "агитатором", "отчаянным нигилистом". Отдача под надзор полиции неминуемо вела к потере "общественного уважения", кредита, невозможности выездов для ведения торговых дел. Щербаков вынужден был лично выехать в Санкт-Петербург и подать прошение министру юстиции. В прошении указывалось, что номера были куплены по "молодости и неопытности", что он имеет "совершенно противоположные развиваемым в этой газете убеждения..."⁷⁸. Помогли протоирей и двенадцать "уважаемых граждан", давших "хорошие во всех отношениях" отзывы "об образе жизни и нравственных качествах" Щербакова. В деле лишь вскользь упоминалось о петербургской истории 1861 г.⁷⁹

Позже, используя ссыльных поляков в качестве специалистов на винокурном заводе, Щербаков устроил благотворительный концерт со сбором средств в их пользу⁸⁰. Это можно объяснить не столько со-

лидарностью с их политическими взглядами, сколько экономическими интересами заводчика, желанием поддержать поляков материально. Ссылные были квалифицированными, бесправными, а потому были более выгодными работниками для хозяина завода. Но конфликты с местными властями могли стать одной из причин переезда Щербаковых в Тюмень.

Поступки А.И. Щербакова мы рассматриваем как пример отклоняющегося поведения. По мнению А.И. Баикиной, купечество не увлекалось революционными теориями. Для отвлеченных размышлений, для социалистических идей (нищенство, бедность, убожество народной жизни могут исчезнуть лишь при коренных социальных преобразованиях) у купцов не было времени⁸¹. Пример со Щербаковым показывает, что его "революционность" закончилась с началом активной предпринимательской деятельности.

Сильнее в сибирскую купеческую среду проникали ценностные установки со стороны чиновничества и церкви. Некоторые ценностные установки становились в сознании многих купцов незыблемыми, например, монархизм и убежденность в необходимости крепкой государственности, что было характерно для Я.А. Немчинова, Ф.И. Пяткова, В.И. Серебrenикова, И.Е. Щербакова, О.Н. Калижниковой. Подтверждением этого тезиса служат факты публичной демонстрации Я.А. Немчиновым своей лояльности по отношению к монархическому режиму. Во время открытия тарского сиропитательного дома по регламенту, составленному Немчиновым, из десяти тостов первый был произнесен им "за здравие Государя Императора"⁸². В честь 300-летия дома Романовых, в честь поездки наследника по Сибири и по другим поводам, связанным с именами высоких государственных особ, Немчиновыми делались благотворительные вклады. В частности в ознаменование посещения Восточной Сибири великим князем Н.А. Романовым А.Я. Немчинов пожертвовал 50 тыс. руб., за что получил в дар от императора портрет с дарственной надписью⁸³.

Во второй половине XIX в. происходило становление собственного буржуазного сознания той части, которая вышла из среды потомственного купечества, успела получить относительно хорошее образование, общалась с представителями деловых и интеллектуальных кругов крупных центров. Менталитет сибирского купечества был ориентирован на созидание материальных и духовных ценностей, на установление разумных с точки зрения делового человека отношений с государством. Участие в общественной жизни чаще ограничивалось благотворительностью, купечество воздерживалось от политической деятельности. Даже встречаясь в Женеве с В.И. Лениным, П.М. Немчинов,

один из сыновей кяхтинского купца М.Ф. Немчинова, активного участия в политической деятельности не принимал⁸⁴. В отношениях с государством купцы исходили из убеждения, что успешная предпринимательская деятельность возможна только при сотрудничестве с властью.

Условия для предпринимательства всегда были непростыми. Как отмечал В.П. Шпалтаков, "...свободы и тогда не хватало (хозяйство было теснено бюрократией, ее регламентами, корыстью)"⁸⁵. Естественным должно было быть стремление купцов к организованному противостоянию местным управленцам, мешавшим развитию предпринимательства. Однако этого не произошло. В дореформенный период характерной чертой общественной мысли была "вера в государственную власть как в силу, способную сверху решать все наиболее важные вопросы"⁸⁶. Купцы только предлагали набор экономических предложений, реформ, направленных на успешное развитие торговли и производства. Еще в Уложенной комиссии, созданной Екатериной II, сибирские купцы Бекишев и Карышев выдвигали проект предоставления льгот купцам в предпринимательской деятельности, уравнивания их в правах с дворянами при покупке крепостных крестьян. Настойчивые предложения, сделанные в конце XVIII в. иркутским купцом Щегориным, а в XIX в. кяхтинцами Игумновым и Носковым, должны были увеличить прибыльность русско-китайской торговли⁸⁷. Законопослушное купечество пыталось приспособиться к существующей общественно-политической системе. Все проекты преобразований в отношении системы государственного устройства, которые исходили от купечества, не покушаясь на основы, совершенствуя отдельные элементы режима, пытались приспособить его к своим сословным интересам.

М.А. Бакунин полагал, что сибирское купечество 1850–60-х гг. при отсутствии дворянской аристократии должно стать передовым классом, поскольку "... стоит ближе к народу, чем класс мандаринов-чиновников", ему присущи железная воля, ум, опытность, знание края. В то же время он замечал, что, находясь на службе, купцы были не лучшими образцами для подражания. Тенденцию интегрироваться и подражать дворянскому чиновничеству, политической элите он считал изъяном купечества, главный источник которого – чрезмерное преобладание бюрократии в региональной и национальной жизни в Сибири⁸⁸.

В исторической литературе есть примеры редких для того времени случаев протеста сибирского купечества против произвола, немелких, порой преступных действий представителей местной власти.

Но в таких выступлениях, как правило, не было единства, и ответные действия быстро рассеивали оппозицию⁸⁹.

В социальной ориентации купечества можно выделить два направления: радикальное и консервативное. Представители первого направления стремились внести в жизнь города, где жили, просвещение, благоустройство, приветствовали появление газет и другие прогрессивные начинания. Купцы-консерваторы были более эгоистичны, преследовали, прежде всего, свои узко сословные интересы, хотели сохранить без изменения существующие порядки, молчаливо сносили произвол местной власти и боготворили награды, полученные от начальства, как правило, избегали отвлекающие от предпринимательских занятий общественные должности, предприимчиво стремились извлечь из общественной службы максимальную выгоду для себя и своего окружения. Деление это весьма условно. Оба направления не могли существовать в чистом виде, так как мир провинциального купечества был разнообразным. Купцы были людьми предприимчивыми и для сохранения капитала и личной выгоды могли в зависимости от ситуации входить как в ту, так и в другую группу.

Если следовать предлагаемому делению, то к представителям радикального направления можно отнести активных участников местного самоуправления сибирских уездных городов, таких как П.И. Подаруев (Тюмень), М.О. Осокин (Кяхта-Троицкосавск), С.Я. Носков (Тара), активных общественно-политических деятелей, депутатов Государственной Думы С.И. Колокольников (Тюмень), С.В. Востротина (Енисейск). С.В. Востротин окончил Казанский ветеринарный институт, готовился к научной деятельности, был избран депутатом Государственной Думы, стал членом ЦК партии Народной Свободы⁹⁰. В 1912 г. выборщиками в IV Государственную Думу от Канского уезда стал купец А. Филимонов, от Колывани – И. Кротов, от Тюкалинска – И. Блендовский, Е. Мирошниченко, А. Носков, Т. Силин⁹¹.

Многие из провинциальных купцов стремились участвовать в общественной жизни города, избирались на выборные должности местного самоуправления, стремились принести пользу, находясь на этих должностях, не только для купечества, но и для родного города. Деятельность купечества в местном самоуправлении больше формально, но прослеживается по городским обывательским книгам, по формулярным спискам купцов, документам, отражающим деятельность различных выборных органов.

На рубеже XIX–XX вв. активно участвовали в городском самоуправлении Тары купцы Я.С. Носков, Л.М. Глизман, И.Е. Ушаков. Горожан беспокоило, что "консервативно настроенные личности", у ко-

торых "экономность граничит со скарденностью", экономили лежащие в городском общественном банке деньги, а городское имущество "приходило в ветхость". Они стремились изменить состав городской думы с целью избрания городским головой К.В. Балыкова, Л.М. Глизмана или А.И. Щербакова⁹².

Тарских Нерпиных и Немчиновых можно отнести к числу тех сибирских купцов, которые искренне воспринимали православный догмат о вечном предопределении, из которого следует мирское поведение, направленное на достижение успеха в рамках торгово-промышленной деятельности. Купцы-монархисты верили в вечность существовавшего миропорядка и действовали в рамках официально установленных правил. Эта установка в поведении большинства провинциальных купцов XVIII – первой половины XIX вв. была доминирующей.

Купцы пытались откупиться или иным образом уклониться от служб по выбору. В 1760-е гг. тарский купец Ф. Нерпин отказывался от должности ратмана по болезни, неграмотности, незнанию государственных дел, но в 1772 г. был избран в таковые⁹³. Полупринудительное участие купцов в деятельности органов местного самоуправления не изменилось и во второй половине XIX в. Право быть избирателем определялось имущественным цензом, прежде всего, городской недвижимостью, с которой платились в городскую казну налоги. Купцы, обладая такой недвижимостью, составили подавляющее большинство гласных городских дум. Определенную роль играл престиж, который они получали после избрания в думу, возможность влиять на городские дела, возможность общения с потенциальными партнерами по бизнесу. Многие решения были направлены на развитие торговли и торговой инфраструктуры. В 1869 г. городская дума Тары решила на проведение телеграфной линии в г. Тару, так как купцы имели дела с крупнейшими портами России, Лондоном, Ханькоу и Шанхаем, имели вблизи Тары винокуренные, медеплавильные заводы, начал строиться стекольный завод⁹⁴.

В сибирском обществе купечество занимало более весомое положение. В Европе, особенно в крупных городах, в большей степени ощущалось господство чиновно-бюрократической психологии. Это предопределяло отношение к "аршиннику", представителю "подлого" сословия. Дворянская спесь, корпоративные предрассудки мешали представителям власти признать даже состоятельного купца равным себе по социальному статусу. В Сибири, особенно в отдаленных от административных центров местах, отношения между купцами и чиновниками чаще строились на взаимовыгодной основе. В повседне-

ных делах и в быту купечеству постоянно приходилось идти на контакты с чиновниками. Чиновничество стесняло его предпринимательские инициативы, наносило моральный вред деловым людям своим корыстолюбием. Существует точка зрения: чем дальше на восток, тем вольготнее чувствовали себя чиновники и больше преступлений совершали⁹⁵. По аналогии можно сделать вывод, что, чем дальше от административных центров, от "ока государева", тем проще было чиновникам пренебречь каким-либо затерявшимся в своде законов параграфом. Практика взяток приводила к ситуации, когда чиновник или судья не могли не брать взятки и могли сделать правым виноватого, и наоборот. Если чиновник не брал "подарки", то подноситель объяснял это тем, что дал мало⁹⁶.

На практике происходило объединение купцов и чиновников на почве взаимной материальной заинтересованности. Чиновники нередко сами включались в предпринимательскую деятельность, а ведущие выборные должности в городском самоуправлении обычно доставались купеческой верхушке уездных городов. Примером взаимовыгодной деятельности может служить своеобразный симбиоз купечества и чиновников Кяхты. Сравнительно небольшой поселок концентрировал значительные купеческие капиталы, и местное начальство уровень своего материального состояния связывало с происходившей здесь торговлей. Купечество со своей стороны было заинтересовано в благосклонности чиновников. Кяхтинские купцы, несмотря на массу критических замечаний современников в их адрес, имели относительно высокий уровень профессиональной культуры, достаточно хорошо разбирались в окружающей жизни. Купеческая Кяхта тонко изучила чиновничьи нравы и в некоторые годы на обеды и "подорожники" (подарки начальству) тратила до 6 тыс. рублей⁹⁷. Кроме прямой контрбанды было изобретено "много способов обхода существующих правил, связанных с приписками, подлогами, тайными сговорами..."⁹⁸. Профессионально сильное кяхтинское купечество понимало несовершенство торговых отношений, не случайно И.А. Нерпин просил власть, прежде всего, изучить условия пограничной торговли⁹⁹.

Следует отметить, что среди сибирских купцов было много выходцев из северных губерний России, где отсутствовало крепостное право, поэтому в их историческом сознании не сформировался "вирус покорности несправедливости и унижению"¹⁰⁰.

Своеобразной чертой сибирского купечества было его формирование из числа потомков служилых людей, осваивавших Сибирь в условиях отдаленности сурового края, что могли успешно делать наиболее выносливые, рискованные, предприимчивые. Эти качества во мно-

гом проявились в деятельности сибирского купечества. Торговля на территории Сибири охватывала громадные территории от Кяхты до Ирбита и Новгорода. Чтобы заниматься такой торговлей, надо было не только иметь капитал, но и быть человеком достаточно рискованным, решительным, сильным, уверенным в словах и действиях. Кяхтинский купец Н.Л. Молчанов, во всех отношениях фигура крайне противоречивая, обладал перечисленными качествами. От всей его высокой и сутуловатой фигуры "веяло силой и неуступчивостью". Когда во время карточной игры принесли телеграмму с сообщением о потере двух барж на порогах Ангара, он, прочитав, засунул ее в карман и невозмутимо продолжал игру¹⁰¹. Менталитет сибирского купечества, наряду с признанием незыблемости самодержавия, включал в себя неприятие злоупотреблений и произвола, чинимого царской администрацией. По утверждению В.Н. Разгона, "...ни одна другая группа российского купечества не оказывала такого постоянного и достаточно смелого противодействия чиновничьему произволу..."¹⁰². Тот же Молчанов демонстративно выражал негативное отношение к чиновникам и администрации, постоянно ссорился с губернаторами: Ильяшевичем, Горемыкиным, Корфом. Ильяшевича даже пытался вызвать на дуэль. Ему доставляло большое удовольствие "утереть нос губернаторишке", Молчанов уверял, что так и надо себя вести с представителями власти, "а то оседлают и поедут". Во время путешествия Н.М. Пржевальского, славолюбившего на приеме у кяхтинцев в адрес Александра III, Молчанов "обрезал" и его, заявив: "Охота Вам, Николай Михайлович, рассказывать небылицы в лицах. Мы ведь с вами не при дворе! Здесь можно проще, и поближе к истине..."¹⁰³.

Одним из способов оформления корпоративных связей купечества в конце XIX в. стали общественные собрания, которые появились во многих сибирских городах. По специальным проектам для них строились "народные аудитории"¹⁰⁴. Там дозволялись карточные игры, бильярд, шахматы, шашки, домино, проводились танцевальные вечера. Общественные собрания оказывали влияние на образ жизни целых городов и селений. Старшины клуба следили за порядком, не допускали "в общество" людей с дурной репутацией. Посещение клуба попавшим в долговую яму было затруднено. В купеческом клубе Тары были духовой, струнный оркестры, проводились различные увеселительные мероприятия, ставились самодеятельные спектакли¹⁰⁵. В Таре любительские спектакли устраивала купчиха Н.А. Щербакова¹⁰⁶. В Кяхте А.Я. Немчинов часто выступал в любительских спектаклях и "играл недурно". Вместе с ним на сцене играли его родная сестра С.Я. Синицына и дочь М.Ф. Немчинова Е.М. Трусова¹⁰⁷.

В Кяхте в доме Сабашниковых было принято бывать всем культурным и известным лицам, приезжавшим в Кяхту. Здесь бывали художники Рейхель, Игорев, Мазер, музыкант Редров, писатель Максимов, путешественник Венюков, губернатор Муравьев-Амурский, многие ссыльные. Собиравшиеся обсуждали острые вопросы политики и литературы. В этом салоне рождалась идея издания "Кяхтинского листка"¹⁰⁸.

Несмотря на довольно низкий общий культурный уровень сибирского купечества, складывание разночинной интеллигенции происходило не без его участия. Купечество нуждалось в своих, "кровнородственных" интеллектуалах, тянулось к аристократам, стремилось объединить тугой кошелёк с дворянским гербом. Но постепенно тусклое обаяние княжеских и прочих титулов и критериями положения в обществе, наряду с родовитостью и богатством, становились интеллект, образование, научное, литературное или художественное имя. В провинциальной Сибири, наряду с Юдиным и Сибиряковыми, были А.М. Лушников, Н.М. Игумнов, Е.И. Малахов, И.А. Нерпин, И.А. Носков, Г.М. Осокин, Н.М. Чукмалдин, А.И. Щербаков и другие купцы, проявившие себя в деле распространения знаний и культуры.

И.И. Попов (ссыльный, потом иркутский купец, редактор "Восточного обозрения", зять Лушниковых) писал о том, что в лице Лушниковых он нашел не только "высококультурных людей, но и людей с широко развитыми общественными потребностями, с прогрессивными убеждениями"¹⁰⁹. Декабрист М.А. Бестужев утверждал, что торговый дом Нерпина и Ременникова, где А.М. Лушников начинал карьеру, стал для него университетом коммерческих наук¹¹⁰. Купец был дружен с декабристами, в Лондоне встречался с Герценом. О нем высоко отзывались Н.А. Белоголовый, Н.М. Пржевальский, Дж. Кеннан. В доме Лушниковых американские путешественники "имели совершенно неожиданное удовольствие поговорить по-английски"¹¹¹. Внук Я.А. Немчинова Г.М. Осокин стал автором нескольких этнографических работ и популярной кадрили "Кяхтинские вечера". Духовно насыщенная жизнь Кяхты объясняется непосредственной близостью русской и восточной культур, а также специфическим укладом жизни местного населения¹¹².

По складу ума, страсти к коллекционированию и путешествиям, по культурному уровню в целом, а главное, по результатам культурно-собирательской деятельности, мало кого из провинциальных купцов можно поставить в один ряд с Г.В. Юдиным. Его дед и отец были арендаторами Екатерининского винокуренного завода, выбирали гильдейские свидетельства по г. Таре. Сам Г.В. Юдин начинал как ачин-

ский и минусинский купец, а в Красноярске предпочел жить не в центре города, а в пригороде – Таракановке¹¹³. Поссорившись с местными властями, он стал петергофским купцом¹¹⁴. Вопросы генеалогии Юдиных, мотиваций активного собирательства Г.В. Юдина более подробно изложены в отдельных публикациях автора¹¹⁵.

На формирование Юдина как духовно богатой личности повлияло семейное воспитание, окружение, сформировавшееся еще в молодости заинтересованное отношение к истории и культуре. Все собранное он изучал, а в процессе собирания старался получить документы, в той или иной степени затрагивающие судьбу изданий. Он создал крупнейшую в России частную библиотеку и одну из лучших исторических коллекций. Много путешествовал по России, Западной Европе, был в Африке¹¹⁶. Поездки предусматривали не только познавательные, но и практические цели – знакомство с передовой технологией промышленности и коммерции¹¹⁷. Путешествия, коллекционирование книг и исторических материалов требовали серьезных материальных затрат. Это являлось весомым стимулом активной и разносторонней предпринимательской деятельности¹¹⁸. Юдин мог стать и более состоятельным человеком, но предпринимательская деятельность для него была (помимо получения средств жизни для семьи) средством реализации его планов в деле коллекционирования книг и исторических документов. Деньги открыли для него доступ в лучшие антикварные, книжные магазины, сделали доступными ценнейшие архивы лучших собирателей книг и документов. Им были приобретены библиотеки Я.Ф. Березина-Ширяева, С.М. Воронцова, историков М.П. Погодина, М.И. Семеновского, Г.И. Спасского и П.А. Ефремова, архив забайкальского краеведа И.В. Багашева, личные архивы В.И. Вагина, Н.М. Ядринцева, братьев Сибиряковых, И. Базилевского, семейных архивов известных сибирских купеческих династий: Боткиных, Белоголовых, Басниных, Бутиных, Игумновых, Зензиновых¹¹⁹. При ином отношении к практическим делам он не мог бы увидеть мир, не был бы крупнейшим коллекционером книг в России, не смог бы, уже после продажи библиотеки в США, собрать за четыре года еще 40 тыс. томов книг, не смог бы финансировать выпуск уникальных книг, в том числе по истории Сибири¹²⁰.

Купцов интеллектуального уровня Юдина в Сибири было немного. Мало известно о литературных вкусах и интересе купечества к летописанию. Между тем в Сибири есть уникальные материалы, свидетельствующие о причастности купцов XVIII – начала XIX вв. к созданию конволютных рукописных сборников¹²¹. В библиотеке иркутского краеведческого музея имеется сборник в кожаном переплете

объемом в 545 листов, сшитых из 48 тетрадей, содержащих 63 рукописных и печатных произведения за 1736–1745 гг. На листе 232/2 есть пометка: "Сия предика Иркутского купца Михаила Павлова сына Сви-дерского подписал своей рукой". М.П. Сви́дерский прибыл в Иркутск из Тары к своему дяде, первостатейному купцу С.М. Сви́дерскому, для ведения торговых дел. Его отец Павел Михайлович Сви́дерский по поручению М.П. Гагарина основал в 1717 г. Железинскую крепость¹²². Закрепившись на иркутской земле, наживший здесь капитал и зарабо-тавший авторитет тарчанин С.М. Сви́дерский "давал приют и деловые советы своему молодому племяннику из Тары"¹²³.

Сюжетно-тематический подбор произведений иллюстрирует арсенал духовных и поведенческих ценностей переписчика, по характеру дополнительных личных пометок можно судить об его эстетических и нравственных идеалах. Это незаурядная для своего окружения личность, человек творческий, способный отобрать интересующие его материалы, настойчив в поисках, целеустремлен, внимателен, аккуратен, воспитан в духе русских семейных традиций.

Учитывая, что в даже конце XVIII – начале XIX в. первогильдейцы расписывались с трудом, факт причастности торговцев к составлению конволютного сборника весьма интересен. Провинциальные купцы середины XIX в. преимущественно заканчивали приходские, реже уездные училища. Тарский купец 2-й гильдии и владелец типографии М.Н. Волков окончил 5 классов Тюменского реального училища. Тарские 2-й гильдии купцы К.С. Ярков, Н.Н. Машинский, М.П. Мезенцев окончили уездное училище, учредитель лесопромышленного товарищества Н.Я. Носков "вышел из 2 класса" этого училища. Сын тарского купца Пановского из с. Рыбинского учился в Томском технологическом институте, А.И. Щербаков в столичном университете¹²⁴.

Жены купцов в первом поколении были выходцами из мещанской или крестьянской среды. Дворянин П.В. Шанский, выбиравший свидетельство купца 2-й гильдии и бывший в предреволюционные годы городским головой Тары, женился на крестьянке д. Лоскутовой Вассе Николаевне Смирновой, которая даже не умела читать¹²⁵. В начале XX в. жены купцов были выпускницами женских прогимназий или гимназий. Жена городского головы Тары 1906–1912 гг. К.В. Балыкова окончила женскую гимназию и служила учительницей приходского училища¹²⁶. Дочери Немчиновых были воспитанницами специализированных заведений – женских пансионов и институтов.

При относительно невысоком уровне грамотности формирования профессиональной культуры провинциального купца осуществля-

лось практическим путем. Нужно было разбираться в психологии покупателя, уметь войти в доверие, выторговать выгодную цену путем убеждения клиента. Это требовало широкого кругозора, знания людей, местных народных обычаев. Изучению жизни способствовал подвижный образ жизни и достаточно широкий круг общения. Не случайно, будучи неграмотными и получив профессиональные знания практическим путем, купцы XVIII – начала XIX вв. сколачивали большие капиталы.

В условиях развивающихся капиталистических отношений элементарных практических навыков для успешного ведения дел было уже недостаточно. Успешнее стали действовать овладевавшие теоретическими знаниями. В купеческих библиотеках появлялась справочная и техническая литература. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, другие книжные раритеты с экслибрисами личных библиотек купцов Ф.И. Щербакова и К.В. Балыкова сохранилась в районной библиотеке и в документальных фондах историко-краеведческого музея г. Тары.

Купеческие сыновья, находясь на незначительных ролях в деле родителей, имели массу свободного времени. Если оно не было заполнено каким-нибудь полезным занятием, отыскивали отдушину в кутежах и других праздных развлечениях. Из писем Е.М. Немчиновой к брату мы узнаем о том, что сыновья кяхтинских миллионеров А.Я. и И.М. Немчиновы злоупотребляли спиртным и не имели устойчивых мотиваций для занятия предпринимательством. У них были разносторонние способности, много увлечений, но они так и не смогли найти достойного применения свои силам¹²⁷.

Установлено, что деятельность и поведение людей определяют не только принадлежностью к социальной группе, в данном случае к купеческому сословию, но их представлениями о своей социальной принадлежности. Речь идет о так называемых референтных группах, под которыми подразумеваются социальные, экономические, политические, профессиональные, культурные или иные группы, к которым индивиды себя сознательно относят на уровне обыденного сознания. Само понятие "референтная группа" введено в связи с установлением факта, что индивиды, официально принадлежащие к определенной социальной группе, строят свое поведение в соответствии с нормами и ценностями, принятыми в другой группе, к которой они сами себя относят. Это одна из важных исследовательских проблем в изучении купечества. Впервые на данную проблему предложил автору обратить внимание В.Н. Худяков.

Особая близость купечества к крестьянству известна. Большинство купцов были выходцами из мещанского и крестьянского сословий. Многие в их поведении и культуре в целом было народным. Среди представителей "третьего сословия" были люди, не только сохранявшие черты крестьянского быта, но и при больших материальных возможностях ограничивавшие себя в элементарных удобствах. Внук крепостного, ирбитский 1-й гильдии купец, самый крупный в городе домовладелец Д.В. Зязин круглый год проводил в общении с окрестными крестьянами и чувствовал себя рядом с ними лучше, нежели в купеческом собрании. Всю жизнь он пытался "выйти в люди", но чувствовал, что "от своих ушел, а до людей не дошел". Когда он опускал в кружку 10 коп. на благотворительные цели, сборщики ему замечали, что его старший сын пожертвовал серебряный рубль. Он отвечал: "Да, он может давать рубли. У него отец миллионер, а я сирота"¹²⁸. Под "купеческим характером" понималось не только стремление к деньгам с пренебрежением чести, но и излишняя бережливость.

Реже встречаются примеры, характеризующие купцов как высокомерных, заносчивых людей. В исследованиях отмечены противоречивые отношения к представителям разных купеческих групп, в том числе к кяхтинскому купечеству, в поведении которого отмечена "изрядная доля сеньориальности"¹²⁹. Кяхта была торговой слободой малого забайкальского города, но ее нельзя назвать типичным провинциальным городом. Влияние кяхтинской торговли ощущала не только вся Сибирь, но и Европейская Россия, она оказывала благоприятное влияние на развитие экономики Китая, Ближнего Востока и Западной Европы. Поэтому, рассматривая проблему с позиций многофакторности исторического развития, многие специфические черты купечества Кяхты можно назвать порождением ее особого естественно-географического и экономического положения, особого этнического состава населения. Элитарность проявлялась в стремлении к обустроенной жизни, стремлении иметь все составляющие жизни богатых своего времени. В Кяхте не было нищих, которые внесли бы в жизнь поселка богачей "огромный диссонанс"¹³⁰. В 1856 г. здесь на 22 дома из 84 человек приходилось 211 слуг¹³¹.

В большинстве известных нам случаев замечалась простота купцов в общении, умение находить подход к людям, организаторские способности, понимание нужд местного населения. Хотя имеются примеры другого рода, когда разогретые спиртным купцы не останавливались ни перед чем: плясали на празднично накрытых столах, купались в ваннах с шампанским, соревновались в том, "кто больше разобьет носов" крестьянам из окрестных деревень¹³².

Современники, называя купечество "господствующим классом", находили, что "общий характер здешних жителей есть купеческий", что говорит о месте и роли купечества в жизни сибиряков¹³³. Купцы во многом определяли тенденции экономической, общественной и культурной жизни региона. Купец считал себя "преполезным членом общества", потому его можно было встретить и в магазине, и в банке, и в городской управе, и в общественном собрании¹³⁴. Более того, в провинции купцы ощущали себя "хозяевами жизни". Чиновники часто вынуждены были считаться с "толстосумами", шли на уступки, водили с ними дружбу. Многие судьбоносные для Ишима, Селенгинска, Тары, Тюкалинска, Троицкосавска-Кяхты, Ялуторовска и других малых городов решения принимались в пользу купцов, которые занимали ведущие посты в местном самоуправлении. В селах и близлежащих к ним деревнях Тарского уезда (округа) Артынском, Евгашинском, Завьялово, Муромцевском, Низовском, Малокрасноярском, Пустынском, Рыбинском, Такмыкском хозяйничали Девятириковы, Калижниковы, Ярковы, Дудиковы, Севостьяновы, Обуховы, Окуновы, Макаровы, Пановские. Они заботились о благоустройстве, благолепии церковей, были активны в общественной жизни.

Важным моментом в профессиональной деятельности купца являлись критерии делового сотрудничества, подбора партнеров по предпринимательской деятельности. Возникновение партнерских отношений – процесс слабоизученный. Отдельные наблюдения суммированы в публикациях автора, посвященных деятельности тарских купцов Щербаковых¹³⁵. На ранних стадиях начинающим свойственно было ошибаться, на более поздних стадиях, по мере расширения и усложнения предпринимательской деятельности, требования к профессиональному уровню и другим качествам партнеров возрастали. Многие определялось возможностью выбора, традициями семейного бизнеса, материальными возможностями потенциальных партнеров, отношением компаньонов к потенциальным партнерам и т. д.

По своей социальной ориентации мелкое и среднее купечество тяготело к народному образу жизни. У дворян перенимались, как правило, внешние атрибуты богатых людей, перенятое носило показательный характер. Такое положение вещей проиллюстрируем на примерах семейной жизни купцов. Межсословные браки чаще заключались малосостоятельными купцами¹³⁶. Для средних купеческих семей характерна патриархальность внутрисемейных отношений, которая проявлялась в особой роли главы семьи, зависимости жены от мужа, младших от старших. Все дела, дававшие коммерческий эффект, шли через главу семьи. Главой семьи чаще всего был старший по возрасту

мужчина. Он объявлял размеры капитала, через него шло распределение повинностей, налогов, распределение между членами семьи служб по выбору городского общества. Глава семьи являлся своего рода гарантом принадлежности остальных членов семьи к купеческому сословию, распоряжался в доме, творил семейный суд, нес ответственность за домочадцев. Патриархальность в российских провинциях была освящена православными традициями "Домостроя". Основные принципы брачных отношений были выработаны в XVIII в. Признавались только церковные браки, формально закреплявшие зависимость жены от мужа. Отступления преследовались по закону. Жена тарского купца А.Н. Лоскутова убежала в дом родителей купцов Романовых. Осенью 1879 г. было возбуждено дело "О противозаконных поступках Анны Лоскутовой...". В доме отца В.Е. Романова были изъяты письма, в которых дочь сообщала, что давно задумала бежать от мужа, жизнь с которым ей "неприятна", а домашние его подозревают ее в "тайном разврате". Губернатор, получив письмо купца Лоскутова с жалобой на сноху, направил в Тару помощника исправника Кондратовича с предписанием подвергнуть Анну аресту и принять меры "преграждения преступных сношений и побега"¹³⁷. Позже выяснилось, что, поскольку отец жил с мачехой, захватившей власть над простоватым мужем, Анна была выдана замуж насильно в девять(!) лет. Но ее прошение оставили без последствий и содержали в тюрьме¹³⁸.

Но в купеческих семьях существовали отношения, когда женщина выступала не как раба мужчины, а его товарищ¹³⁹. М.Ф. Немчинов женился на простой девушке, кяхтинской мещанке, выучил ее грамоте, гордился, что жена "вышла горячая мать детям", изучала кухню по изданиям Авдеевой, увлекалась "рижским" огородничеством "во всех его видах" и цветоводством. Современник писал: "...на все ее достало как досужей женщины, знающей всякое рукоделие, ...ни одна совоспитанная в институтах и более высших заведениях не сравнится с такой самородящей хозяйкой"¹⁴⁰. Писатель И.А. Гончаров видел, что в поездках купцам "сопутствуют жены — и все переносят: ездят верхом, спят если не в поварнях, так под открытым небом..."¹⁴¹.

Сыновья как правило постепенно получали практическое профессиональное образование. Дочерям давалось максимально возможное в местных условиях образование. В Таре купеческие дочери учились в женской прогимназии. Дети М.Ф. Немчинова учились в Москве и Петербурге. Дочь тарского купца-пароходовладельца П.Я. Смородинникова Евдокия окончила математическое отделение высших женских курсов в Томске¹⁴². Купеческим дочерям готовилось приданое, с которым они могли выбрать жениха из своего круга.

Патриархальные семьи обычно были многодетными. У Я.А. Немчинова было десять дочерей и один сын, у М.Ф. Немчинова семь сыновей и три дочери, у М.О. Осокина — три сына и три дочери¹⁴³. В состоятельных купеческих семьях уровень детской смертности был значительно ниже, чем в мещанских и крестьянских семьях¹⁴⁴.

Необходимо отметить довольно распространенное явление в купеческих семьях — брать на воспитание чужих детей. Приемные дети были у Я.А., А.Я., М.Ф. Немчиновых, Н.В. и П.В. Шанских, В.М. Деева, Л.А. Тимофеева. По свидетельствам очевидцев, купцы, взявшие на воспитание чужих детей, относились к ним хорошо. Н.В. Шанский и его супруга Юлия Куприяновна приняли найденную работником в навозе девочку, воспитали и выдали ее замуж¹⁴⁵. Девочку, которую удочерили П.В. Шанский и его супруга Васса Николаевна, одевали "как куколку", обучали на дому, что, по словам ее домашней учительницы, вызывало определенную зависть со стороны соседских детей. Неожиданная смерть приемной дочери стала для Шанских семейной трагедией¹⁴⁶.

Таким образом, отношения в купеческих семьях мало отличались от народного быта. Многие в них определялись культурным уровнем купцов, особенностями их семейного воспитания, общественной нравственностью эпохи.

Патриархальные традиции подкреплялись религиозной моралью, а религиозное сознание являлось одной из доминант менталитета купечества. Вера внедрялась в сознание людей в процессе воспитания и обучения, была неотъемлемым средством социализации личности. Все дочери и зятья Немчиновых, Врещагиных, Носковых, Нерпиных, Филатовых и других тарчан, перебравшихся в Кяхту, бывали на исповеди в Воскресенской церкви. Приезд земляков не обходился без посещения церкви. В исповедальных ведомостях за 1849–1859 гг. встречаются имена тарчан А.А. Рожина, И.П. Черкасова, В.А. Немчинова, Ф.П. Черняева, А.П. Зубова, Н.А. Александрова¹⁴⁷. Соблюдались религиозные праздники, на которые выпадало до 150 дней в году. Купечество заботилось о благолепии храмов, материально поддерживало священнослужителей и причты, купцы избирались старостами церквей. В патриархальной семье Я.А. Немчинова строго следовали православным традициям и обрядам, дети воспитывались в религиозном духе, миллионер имел своего духовного наставника. Тарских педагогов удивляло, что учитель Андрея "самый простой старикашка", а получает "в год на всем готовом 4 тыс. руб.", на что получили ответ: "Он знает Бога, скромн, а мне это и надо". В день открытия сиропитательного дома в апреле 1875 г. Немчиновы вместе с многочисленными

родственниками и земляками отца участвовали в принесении и отнесении икон Казанской церкви, молебне¹⁴⁸. В завещании Я.А. Немчинова "с замечательным знанием церковного устава" перечислены заупокойные обедни, поминовения и другие службы и обряды. В предсмертной агонии он пытался убедить родственников все капиталы передать церквям и монастырям¹⁴⁹. Родители у М.Ф. Немчинова считали: "Учен будет — родителей забудет". Учитель "пучком роз заставлял знать десять заповедей". Нравовоспитание отца ("будь благочестив, уповай на бога, люби его всем сердцем, приятели тебя полюбят, и неприятели не могут ненавидеть") были сохранены в памяти купца и "как дважды два четыре и с любовью" высказывались другим. Отец, отставной солдат, и мать-крестьянка, поддерживая стремление сына освободиться от рекрутчины, дали обет ежегодно "служить благодарственные молебны Чудотворно-явленной иконе Николая Можайского на болоте у займки благочестивого старца-рыбопромышленника Самсонова в шести верстах от г. Тары", а позже неустанно благодарили бога, который "устроил все к утешению семьи". Отца Я.А. Немчинова Андрея Семеновича в Таре характеризовали как "доброего, благородного, родстволюбивого и богопочтительного старца"¹⁵⁰.

Православные должны были от своих священнослужителей получать подтверждение своей религиозности как показателе благонадежности и лояльности по отношению к вере и монархии. Это было обязательно при судебном разбирательстве, подаче документов на почетное гражданство, при подготовке документов для награждения. Существовали специальные формы аттестации. Поэтому православная вера в жизни купечества, помимо духовного восприятия, пути к вере, была необходима как официальная сторона жизни, являлась своеобразным средством социальной защиты. За нарушение религиозных традиций по закону 1737 г. был предусмотрен денежный штраф, проводилось административное расследование.

Истоки трепетного отношения провинциального сибирского купечества к религии следует искать во всем комплексе условий жизни: суровости и неблагоприятности для создания нормальной человеческой цивилизации естественно-географических условий, огромных пространствах, неразвитости средств коммуникации, часто ставивших человека в зависимость от удачи, от стечения обстоятельств и вытекающем отсюда специфическом семейном и общественном воспитании.

Однако религия в России и отдельных ее регионах не сыграла в становлении буржуазных отношений той роли, какую она сыграла в странах Запада. Там протестантизм в различных его формах являлся

идеологическим и нравственным основанием процесса накопления капиталов, средством привития обществу буржуазных ценностей и норм поведения.

Распространено мнение, что в России подобием протестантизма было старообрядчество. Аскетизм мирской жизни старообрядцев, их взаимопомощь и взаимовыручка, которая укреплялась в условиях запретов и гонений со стороны центральной и местной власти, доверие друг другу в общинах, позволяли создавать, пуская в оборот общие деньги, благоприятные условия для предпринимательской деятельности. Д.Н. Мамин-Сибиряк главным секретом их быстрого процветания считал "дух единения, который создавался всякими гонениями, а религиозный в особенности"¹⁵¹.

Подсчеты купцов-старообрядцев весьма условны, так как старообрядчество было неофициальным вероисповеданием. Известно, что со старообрядчеством были связаны тюменские купцы Колмогоровы, Просоловы, Заиграевы, Н.М. Чукмалдин, тарские и тобольские купцы Володимировы, Кузнецовы¹⁵². Тарский купец С.Д. Макаров зарекомендовал себя "закоренелым и упорным раскольников": переселился в 1902 г. в д. Завьялову, известную своими раскольничьими традициями, выписывал старообрядческий журнал, общался с нижегородскими и томскими раскольниками, устроил в своем доме молельню, принимал усилия по закрытию церковно-приходской школы. Предлагал срочно вернуть долги за отпускаемые в кредит товары или обратиться в раскол¹⁵³. Наши попытки выявить связи между одним из руководителей раскольничьего бунта 1722 г. в Таре полковником И. Немчиновым и купцами Немчиновыми пока не дали результатов, но для понимания духовных основ предпринимательской деятельности купеческой фамилии ответ на этот вопрос имел бы исключительное значение.

Помимо православной веры и различных старообрядческих направлений, в Сибири были купцы мусульмане, иудеи, католики, ламайсты и другие. Но в целом православная вера господствовала в менталитете сибирских купцов. Главной задачей православия было обоснование незыблемости монархии, основной структуры общества, консервативные изменения в политических и идеологических сферах. Однако некоторая часть купечества в силу разных обстоятельств ушла в еретические по своей сути и протестантские по своему содержанию верования.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод о том, что комплекс основных ценностей сибирских купцов группировался вокруг их стремления сохранить и приумножить свою собственность. Купечество достаточно умело приспосабливалось к общественно-

политическим и идеологическим ситуациям, вырабатывало максимально эффективную в тот или иной период линию поведения. Общие интересы, культура, благоустройство города, объединение в корпорации для противодействия чиновничьему произволу касались купечества не прямо, а косвенно, затрагивали основные потребности купечества в получении прибыли, и поэтому купцы смотрели на них с позиций своей выгоды. Обладание солидным капиталом придавало купцу уверенность в своих силах, поднимало его значимость в глазах окружения и всего общества. Экономические возможности позволяли купцу оказывать воздействие на изменения жизни в тех местах, где он жил и где находились его предприятия. Состояние определяло авторитет купца, его общественное положение, а общественная деятельность оказывала положительное влияние на его дела посредством установления контактов с представителями властных структур. От степени влияния на жизнь общества зависело отношение к купцу как "преполезному члену общества". Личная, семейная, общественная и деловая стороны жизни купца находились во взаимной связи и взаимозависимости. В конце XVIII – первой половине XIX вв. на протяжении жизни трех-четырех поколений происходило становление, развитие и обогащение сословного купеческого менталитета, а затем началось его растворение в менталитете региональной буржуазии.

Литература:

¹ Беспалова Ю.М. Культура западносибирского предпринимательства (вторая пол. XIX – начало XX вв.). – Тюмень, 1996; Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII–XIX веков. Из истории формирования сибирской буржуазии. – Томск, 1996; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX веков. – М., 1999; Громыко М.М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII века // История СССР. – 1971. – № 3; Жиров А.А. Провинциальное купечество Сибири (штрихи к социально-психологическому портрету) // Известия ОГИКМ. Вып. 6. – Омск, 1998. – С. 310 – 324; Он же. К характеристике мотиваций предпринимательской деятельности провинциального купечества Сибири // Катанаевские чтения–98. Материалы докладов Второй всероссийской научно-практической конференции. – Омск, 1998. – С. 83–88; Он же. К характеристике критериев делового сотрудничества купцов Щербаковых (штрихи к социально-психологическому портрету) // Словцовские чтения–98. Материалы к научно-практической конференции. – Тюмень, 1998. – С. 78–79; Разгон В.Н. Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в // Предпринимательство в Сибири. Материалы конференции. –

Барнаул, 1994. – С. 12–13; Он же. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. – Барнаул, 1999; Он же. Отставание сибирским купечеством сословных привилегий в сфере торгово-промышленного предпринимательства (XVIII – первая половина XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3. – Барнаул, 2001. – С. 22–42; Старцев А.В. Меценаты. Штрихи к социальному портрету алтайского купечества // Алтайский сборник. Вып. XIV. – Барнаул, 1991; Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул, 2001 и др. работы.

² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892. – С. 72.

³ Птицын В.В. Селенгинская Даурия. – СПб., 1896. – С. 288.

⁴ Некрасов Н.А. Хроника петербургского жителя // Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 5. – М., 1966. – С. 293.

⁵ Петряев Е.Д. Люди и судьбы. Очерки культуры Забайкалья. – Чита, 1957.

⁶ Птицын В.В. Указ. соч. – С. 286–287.

⁷ Кропоткин П.А. Дневники разных лет. – М., 1992. – С. 278.

⁸ Сибирский вестник. – 1889. – 14 января.

⁹ Цит. по: Белокрыс М.А. Кем славна Тара // Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). – Омск, 1994. – С. 143.

¹⁰ Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири XIX – начала XX вв. – Томск, 1975. – С. 82.

¹¹ Новокшионов А.А. Запись воспоминаний. Документальные фонды Тарского историко-краеведческого музея. – С. 3–4.

¹² Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. – Тюмень, 1997. – С. 178–179.

¹³ Копылов Д.И. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. – Свердловск, 1973. – С. 108.

¹⁴ Там же. – С. 109; Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. I. Кн. 2. – Новосибирск, 1994. – С. 95.

¹⁵ Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. – Тюмень, 1997. – С. 91–92.

¹⁶ Бойко В.П. Указ. соч. – С. 188.

¹⁷ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее состояние и ее нужды. – СПб., 1908. – С. 238, 244.

¹⁸ Носков А.С. (Тара). Полевые записи автора. 1989 г. Личный архив автора.

¹⁹ Тобольский филиал государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТюмО). Ф. 152. Оп. 35. Д. 1122. Л. 94, 94об.

²⁰ Кириченко Т.Ф. (Омск), Князькова А.П., Мясников Н.Я., Шабалина Н.И. (Тара). Полевые записи автора. 1992 г. Личный архив автора.

- ²¹ Кислицына К.Г., Макарова В.А. (Тара). Полевые записи автора. 1979–1990 гг. Личный архив автора.
- ²² Тобольские губернские ведомости. – 1862. – № 48.
- ²³ Краткая энциклопедия... Т. II. Кн. 2. – С. 170.
- ²⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1123. Л. 3–5; Сизутов П.Т. Население города Тары в материалах переписи 1897 года // Таре 400 лет. Материалы научно-практической конференции. Ч. I. – Омск, 1994. – С. 85–86; Бизяева А.Т., Кириченко Т.Ф. (Омск), Макарова В.А. (Тара). Полевые записи автора. 1992 г. Личный архив автора.
- ²⁵ Петров И.Ф. Дорогами героев. – Новосибирск, 1969. – С. 34, 37; Авласович С. Новое омское слово. – 1999. – № 64; Горчаков Я.С., Носков А.С., Шабалина Н.И. (Тара), Кириченко А.Ф. (Омск). Полевые записи автора. 1979–1992 гг. Личный архив автора.
- ²⁶ Степной край. – 1894. – № 26.
- ²⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 1122. Л. 183, 183об.
- ²⁸ Восточное обозрение. – 1886. – № 37; 1889. – № 30; Сибирская торговая газета. – 1897. – № 74; Гончаров Ю.М. Указ. соч. – С. 150.
- ²⁹ Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. – Тобольск, 1864. – С. 109.
- ³⁰ ТФ ГАТюмО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 69.
- ³¹ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии на 1913 год. – Омск, 1914. – С. 765.
- ³² Там же. – С. 766.
- ³³ Там же. – С. 766–769.
- ³⁴ Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год... – С. 113.
- ³⁵ Валеев Ф.Т. Тарские предприниматели Айтыкины // Таре 400 лет. Материалы научно-практической конференции. Ч. I. – Омск, 1994. – С. 147.
- ³⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 560.
- ³⁷ Жиров А.А. Религиозность как черта менталитета провинциального купечества Сибири (на примерах гг. Тары и Кяхты) // Русское православие в Сибири: история и современность. Материалы международной научной конференции. – Омск, 1995. – С. 51–54; Он же. Тарские кяхтинцы // Земля Иркутская. Вып. 9. – 1997. – С. 14–19; Он же. Немчинов Яков Андреевич // Краткая энциклопедия... Т. III. Кн. 2. – С. 23–24;
- ³⁸ Чукмалдин Н.М. Указ. соч. – С. 74.
- ³⁹ Антропов И.Я. Были Ирбита. – Ирбит, 1992. – С. 54–56.
- ⁴⁰ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 26. Д. 69. Л. 1.
- ⁴¹ Бойко В.П. Указ. соч. – С. 194.
- ⁴² Чукмалдин Н.М. Указ. соч. – С. 189–190.
- ⁴³ Цит. по: Бойко В.П. Указ. соч. – С. 196.

- ⁴⁴ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Ч. 2. Сибирь и эмиграция. – Л., 1924. – С. 73–74.
- ⁴⁵ Там же. – С. 69.
- ⁴⁶ Кислицына К.Г., Колчина Н.А. (Тара). Полевые записи автора. 1979, 1987; Ворсегова Н.В. (п. Красноярка Омского района Омской обл.). Письмо автору. Май 1991 г. Личный архив автора.
- ⁴⁷ Антропов И.Я. Указ. соч. – С. 107.
- ⁴⁸ Государственный архив Красноярского края (ГАКрК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4991. Л. 1. 1об., 2, 2об.
- ⁴⁹ Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв.: Опыт энциклопедии. – М., 1995. – С. 218–219.
- ⁵⁰ Маккензи У. Россия. Т. I. – СПб., 1880. – С. 215.
- ⁵¹ Авдеева-Полевая Е. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 13.
- ⁵² Пайнс Р. Россия при старом режиме. – М., 1993. – С. 270.
- ⁵³ Авдеева-Полевая Е. Указ. соч. – С. 53–54; Попов И.И. Указ. соч. – С. 68–74; Горьковская З.П., Катионов О.Н. Пища русских крестьян Сибири в повседневной жизни (период капитализма) // Культурный потенциал Сибири в досоветский период. – Новосибирск, 1992. – С. 56.
- ⁵⁴ Новохионов А.А. Запись воспоминаний; Бизяева О.Т., Бизяева З.Т. (Омск). Полевые записи автора. 1992 г. Личный архив автора.
- ⁵⁵ Аношин В.С. Где шумит Артынский бор. – Омск, 1968; Долгушин А.П. Сказание о Большеречье. – Омск, 1998. – С. 25.
- ⁵⁶ Зыков Г.В., Новохионова Е.С., Шабалина Н.И. (Тара), Бизяева О.Т., Бизяева З.Т. (Омск). Полевые записи автора. 1987–1992 гг. Личный архив автора.
- ⁵⁷ Сибирская торговая газета. – 1897. – № 112.
- ⁵⁸ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 111. Оп. 1. Д. 117. Л. 56об.
- ⁵⁹ Попов И.И. Указ. соч. – С. 54.
- ⁶⁰ Зыков Г.В., Колупаева Л.П., Якубенко Н.П. (Тара). Полевые записи автора. 1986–1991 гг. Личный архив автора.
- ⁶¹ Попов И.И. Указ. соч. – С. 81–84.
- ⁶² Птицын В.В. Селенгинская Даурия. – СПб., 1896. – С. 49.
- ⁶³ НАРБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 117. Л. 56. 56об.
- ⁶⁴ Записки Михаила Васильевича Сабашникова. – М., 1995. – С. 261; Попов И.И. Указ. соч. – С. 51, 53.
- ⁶⁵ Скубневский В.А. Заметки о духовном мире барнаульского купечества // Образование и социальное развитие региона. – 1995. – № 2. – С. 116; Егорьева А.И. Воспоминания о жизни. Неопубликованные

очерки. Семейный архив А.В. Егровой (СПб); *Золотарева А.И., Макарова В.А., Мясников Н.Я.* (Тара), *Кириченко А.Ф.* (Омск). Полевые записи автора. 1984–1992 гг. Личный архив автора.

⁶⁶ *Кусова И.Г.* Рязанское купечество: очерки XVI – начала XX в. – Рязань, 1996. – С. 118.

⁶⁷ *Громыко М.М.* К характеристике социальной психологии сибирского купечества XVIII в // История СССР. – 1971. – № 3.

⁶⁸ *Бойко В.П.* Указ. соч. – С. 199.

⁶⁹ *Чукмалдин Н.М.* Биография И.А. Решетникова // Тобольские губернские ведомости. – 1861. – № 20; *Он же.* Записки моей жизни. – М., 1902; *Он же.* Мои воспоминания ...

⁷⁰ *Чукмалдин Н.М.* Мои воспоминания ... – С. 168.

⁷¹ *Чукмалдин Н.М.* Записки моей жизни. – М., 1902. – С. 6.

⁷² *Чукмалдин Н.М.* Мои воспоминания ... С. 182–183.

⁷³ *Половникова И.А.* Молодые годы Юдина. – М., 1996. – С. 4; *Бердников Л.* Драма у Афонтовой горы // Красноярский библиофил. – Красноярск, 1987. – С. 163.

⁷⁴ *Жук А.В. Е.И.* Малахов как археолог // Таре 400 лет. Материалы научно-практической конференции. – Омск, 1994. – С. 14–23.

⁷⁵ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т. II. – М., 1951. – С. 334, 335; *Сорокин В.* Воспоминания старого студента // Русская старина. – 1906. – № 41. – С. 462.

⁷⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 1853. Л. 21–25.

⁷⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 65. Д. 1556. Л. 31. Ответ на запрос.

⁷⁸ РГИА. Ф. 1151. Оп. 7. Д. 63. Л. 27–32об. Ответ на запрос.

⁷⁹ Там же. Л. 30, 31.

⁸⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1853. Л. 21–25.

⁸¹ *Баикина А.И., Додонова Л.А.* Указ. соч. – С. 218.

⁸² Степной край. (Омск). – 1894. – № 26.

⁸³ Иркутские губернские ведомости. – 1891. – № 45; Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 3189. Л. 1. 1об., 4об.

⁸⁴ *Егорьева А.И.* Воспоминания о жизни.

⁸⁵ *Шпалтаков В.П.* Как создавался рынок в Сибири // Коммерческий вестник (Омск). – 1992. – № 19.

⁸⁶ *Козлова Н.В.* Гильдейское купечество в России и некоторые черты его самосознания в XVIII в // Торговля и предпринимательство в феодальной России. – М., 1994. – С. 217.

⁸⁷ *Головачев П.* Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюды по истории Сибири XVIII в. – М., 1889. – С. 13–18; *Шахеров В.П.* Реформатор

из Иркутска. Жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина // Земля Иркутская. Вып. 1. – Иркутск, 1994. – С. 9–14; *Птицын В.В.* Указ. соч. – С. 130–138.

⁸⁸ Цит по: *Должников В.А. М.А. Бакунин* о социально-психологическом облике сибирского купечества (50–60-е гг. XIX в.) // Предпринимательство в Сибири. Материалы конференции. – Барнаул, 1994. – С. 84–86.

⁸⁹ *Штейнгель В.И.* Сибирские сатрапы. 1765–1819 // Исторический вестник. 1884. Т. XVII. – С. 366–388; Сборник газеты "Сибирь". Т. I. – СПб., 1876. – С. 483–484; *Бойко В.П.* Указ. соч. – С. 208–211.

⁹⁰ ГАТюмО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 162–169; НАРБ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 69; Ф. 172. Оп. 1. Д. 379; Восточное обозрение. – 1887. – № 49; Восточное обозрение. – 1888. – № 29; *Комзорт М.В., Малахова Ю.А.* История частного коммерческого училища Колокольниковых // Словцовские чтения–98. Материалы к научно-практической конференции. – Тюмень, 1998. – С. 83–84; Краткая энциклопедия... Т. I. Кн. 2. – С. 47.

⁹¹ Краткая энциклопедия... Т. III. Кн. 3. – С. 29.

⁹² ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 20. Д. 502. Л. 62.

⁹³ Краткая энциклопедия... Т. III. Кн. 1. – С. 27.

⁹⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7300. Л. 62 об.

⁹⁵ *Бойко В.П.* Указ. соч. – С. 213.

⁹⁶ *Чукмалдин Н.М.* Мои воспоминания... – С. 59.

⁹⁷ *Птицын В.В.* Указ. соч. – С. 202.

⁹⁸ *Тагиров Ж.З.* Кяхтинское купечество: социально-психологический портрет // Проблемы культуры городов России. Материалы II всероссийского научно-практического семинара. Ч. I. – Омск, 1996. – С. 167.

⁹⁹ *Попов И.И.* Указ. соч. – С. 24.

¹⁰⁰ *Разгон В.Н.* Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в // Предпринимательство в Сибири. Материалы конференции. – Барнаул, 1994. – С. 12–13.

¹⁰¹ *Попов И.И.* Указ. соч. – С. 53.

¹⁰² *Разгон В.Н.* Указ. соч. – С. 11.

¹⁰³ *Попов И.И.* Указ. соч. – С. 51–53.

¹⁰⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 617.

¹⁰⁵ *Носков А.С.* (Тара), *Бизяева А.Т., Кириченко А.Ф.* (Омск). Полевые записи автора. 1989–1992 гг. Личный архив автора.

¹⁰⁶ ГАОО. Ф. 2200. Оп. 2. Д. 146. Л. 37.

¹⁰⁷ *Попов И.И.* Указ. соч. – С. 54; *Егорьева А.И.* Воспоминания о жизни.

¹⁰⁸ Петряев Е.Д. Кяхтинский листок // Байкал. – Улан-Удэ, 1994. – № 3. – С. 138–139.

¹⁰⁹ Попов И.И. Минувшее и пережитое. Ч. II. – Л., 1924. – С. 170.

¹¹⁰ Бестужев М.А. Поездка в Кяхту // Дум высокое стремленье. – Иркутск, 1975. – С. 121.

¹¹¹ Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). Т. II. – СПб., 1999. – С. 78–79; Краткая энциклопедия... Т. III. Кн. 1. – С. 46–47.

¹¹² Белокрыс М.А. Из музыкальной жизни Кяхты-Троицкосавска XVIII – начала XIX вв // Локальные культурно-исторические исследования. Теория и практика. – Омск, 1998. – С. 83–84; Осокин Г.М. На границах Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. – СПб., 1906; Он же. Материалы к этнографии Западного Забайкалья. – Иркутск, 1895.

¹¹³ Государственный архив Красноярского края (ГАКрК). Ф. 796. Оп. 1. Д. 4609. Л. 1.

¹¹⁴ ГАКрК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 5, 15, 62.

¹¹⁵ Жиров А.А. Мотивы активной собирательской деятельности Г.В. Юдина // Четвертые Макушинские чтения. – Новосибирск, 1997. – С. 59–61; Он же. Сибирский купец-коллекционер Г.В. Юдин и его родословная // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 7. – СПб., 1997. – С. 50–57; Он же. Юдины // Краткая энциклопедия... Т. IV. Кн. 3. – С. 71–75.

¹¹⁶ ГАКрК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4960.

¹¹⁷ Юдин А.Л. (Красноярск), Половникова И.А. (СПб). Полевые записи автора. 1995 г. Личный архив автора.

¹¹⁸ ГАКрК. Ф. 293. Оп. 1. Д. 15, 16, 29, 50, 51, 53, 55, 57, 58, 59, 64; Ф. 345. Оп. 1. Д. 4, 5, 15, 26, 42, 50, 62, 80, 109; Ф. 796. Оп. 1. Д. 4600, 4603, 4618, 4666, 4697, 4808–4818.

¹¹⁹ ГАКрК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4692–4794, 4882, 4985, 4991; Ф. 805. Оп. 1. 432 ед. хр.; Бердников Л. Указ. соч. – С. 166.

¹²⁰ ГАКрК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4659, 4663, 4664.

¹²¹ Русские и иностранные рукописи научной библиотеки Иркутского государственного университета. Ч. I. – Новосибирск, 1995. – № 119, 121, 148.

¹²² Абрамов Н. Князь Матвей Петрович Гагарин // Тобольские губернские ведомости. – 1861. – № 9–11.

¹²³ Романцова Т.Д. (Иркутск). Письмо к автору 16 апреля 1998 г. Личный архив автора; Жиров А.А., Романцова Т.Д. Рукописные сборники XVIII–XIX вв. как источники по изучению социокультурного облика

сибирского купечества // Проблемы изучения историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. Тезисы докладов и сообщений IV региональной научно-методической конференции. – Омск, 2000. – С. 89–93; Носков Я.И. История деревни Свидаерской. Дополнения и примечания. Рукопись. – Петропавловск, 1992.

¹²⁴ ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 468; ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 35. Д. 602. Л. 41об, 90об.; Д. 1187. Л. 30об, 32.

¹²⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 80. Л. 123.

¹²⁶ ТФ ГАТюмО. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2140.

¹²⁷ НАРБ Ф. 111. Оп. 1. Д. 69. Л. 18.

¹²⁸ Антропов И.Я. Указ. соч. – С. 86–89.

¹²⁹ Тагиров Ж.З. Указ. соч. – С. 167.

¹³⁰ Попов И.И. Указ. соч. – С. 9.

¹³¹ Птицын В.В. Указ. соч. – С. 288.

¹³² По материалам газет: "Омский телеграф", "Степной край", "Акмолинские областные ведомости", "Тобольские губернские ведомости", "Восточное обозрение".

¹³³ Щукин Н. Житие сибирское в древних преданиях и нынешних впечатлениях // Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 212.

¹³⁴ Шмыгунов Т.А., Меньщиков В.Н. Ишим купеческий // Очерки истории Ишима. – Ишим, 1995. – С. 56, 57.

¹³⁵ Жиров А.А. К характеристике критериев делового сотрудничества купцов Щербаковых (штрихи к социально-психологическому портрету) // Словцовские чтения – 98. – Тюмень, 1998. – С. 78–79; Он же. Писчебумажное производство в Сибири // Известия ОГИКМ. Вып. 7. – Омск, 1999. – С. 143–158; Он же. Предприимчивые люди. (К истории писчебумажного производства в Сибири). Купцы Щербаковы. (Штрихи к социально-психологическому портрету) // Югра. Вып. 9–10. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 90–95.

¹³⁶ Зуева Е.А. Вопросы общественно-семейного быта сибирского купечества XVIII – середины XIX в. в работах советских исследователей // Изучение Сибири в советскую эпоху: Бахрушинские чтения. 1987 г. – Новосибирск, 1987. – С. 145.

¹³⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 37. Д. 770. Л. 1–4.

¹³⁸ Там же. – Л. 27.

¹³⁹ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. – М., 1902. – С. 99.

¹⁴⁰ НАРБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 137. Л. 5об., 9об., 10.

¹⁴¹ Гончаров И.А. Фрегат "Паллада". Очерки путешествия. – М., 1951. – С. 629.

- ¹⁴² Овчинникова Е.А. (Красноярск), Цыганова К.Н., Разумовская О.Н. (Омск). Письма к автору. 1996–1999 гг. Личный архив автора.
- ¹⁴³ НАРБ. Егорьева А.В. Очерк-справка о потомках семьи М.Ф. Немчинова; Ф. 111. Оп. 1. Д. 137. Л. 9.
- ¹⁴⁴ ГАОО. Ф. 16. Оп. 2. Кн. 1–4, 121, 130, 162, 168; Архив отдела загса администрации г. Тары. Метрические книги церквей г. Тары за 1876–1919 гг.
- ¹⁴⁵ Смирнова П.П., Новокшинова Е.С. (Тара) Полевые записи автора. 1990–1992 гг. Личный архив автора.
- ¹⁴⁶ Кириченко А.Ф. (Омск). Полевые записи автора. 1992 г. Личный архив автора.
- ¹⁴⁷ НАРБ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33. Л. 15об., 20об., 21, 22об., 28об., 29об., 30, 43, 43об., 48, 48об., 49, 95об., 100, 101, 104, 105об., 118об., 119, 125, 125об., 135, 141–142об.
- ¹⁴⁸ Степной край (Омск). – 1894. – № 26.
- ¹⁴⁹ Птицын В.В. Указ. соч. – С. 288–292.
- ¹⁵⁰ НАРБ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 137. Л. 1. 2об., 3, 3об.
- ¹⁵¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Последняя весточка (Из старообрядческих мотивов) // Собрание сочинений. В 10-ти т. Т. III. – М., 1958. – С. 255.
- ¹⁵² Разгон В.Н. Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в // Предпринимательство в Сибири. Материалы конференции. – Барнаул, 1994. – С. 15.
- ¹⁵³ Омские епархиальные ведомости. – 1907. – № 9–10. – С. 47–53; – № 11. – С. 20–28; – № 12. – С. 24–31.

М.Т. Козут
Омский государственный
технический университет

ОТНОШЕНИЕ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН К ЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕН- ТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА (1896–1917 гг.)

В настоящее время идет очередной этап земельной реформы в России. Принят Земельный Кодекс РФ, идет обсуждение законов об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Это делает актуальным изучение аграрной политики в нашей стране во все периоды ее истории и особенно на этапе развития индустриального общества. В этот период некоторые аспекты земельной политики: развитие личной